

Валерий

Я тебя...

СТОЛЫПИН

НИКОГДА!

Рассказы о любви и ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Валерий Столыпин

Я тебя... никогда!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39461315

SelfPub; 2023

Аннотация

Откровенные чувственные истории о романтической любви, об интимных отношениях влюблённых. Эмоциональная близость и отчуждение в жизни семейных пар и страстных любовников, соблазны и интимные тайны, пикантные приключения, нескромные желания, игра воображения и легкомысленный флирт. Лукавые обольстители и простодушные жертвы коварных интриг, соперничество и предательство. Люди легко и часто поддаются искушению. Надеюсь, что возбудил ваше любопытство.

Содержание

Взрослая жизнь	4
Всё однажды кончается, но...	14
Белые кружева	24
Виртуальность	38
Букет эмоций	46
Вот почему прекрасное не вечно	73
От любви до ненависти	92
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Валерий Столыпин

Я тебя... никогда!

Взрослая жизнь

Последний кофе... и точка.

Сегодня он горше хины...

в него б коньяку чуточек,

а лучшие – щепоть стрихнина.

Елена Зимовец

С некоторых пор в скромную, необыкновенно застенчивую Зойку вселилось нечто, о чём она смутно догадывалась, но даже себе не смела признаться. В её, несформированное ещё девичье сознание просочилось нечто невообразимое, о чём девушка помышлять не смела, а тело и вовсе сошло с ума.

Теперь ей захотелось такого, отчего хочется визжать. Страшно подумать, до чего Зойке становилось хорошо, когда она принимала бессовестные, вызывающе непристойные позы, когда дрожала, дотрагиваясь до того, о чём вообще стыдно говорить и думать, чувствуя до безобразия сладкое возбуждение.

От прикосновений и поглаживаний собственного тела, но с мыслями о нём, девушку бросало, попеременно, то в жар,

то в холод. Голову заполнял густой вращающийся туман, предвкушением сладкого блаженства сводило живот и бёдра, в низ живота стремительно проникала горячая волна, разжигающая ненасытную чувственность.

Указательный пальчик (прикасаюсь к кнопочке вызова блаженства было ужасно стыдно), скользил по кромке трепещущей раковины, нащупывал заветную жемчужину и застывал, чувствуя, как из-под неё сочится густой сироп.

Дыхание, пульс, сознание – всё разом выходило из-под контроля, где-то в глубине рождалось ощущение чуда, которое росло, росло и вдруг рассыпалось яркими всполохами, заставляя стонать, выгибаться и вибрировать.

Потом в воздухе надолго зависала непонятная тишина, все до единой мысли высасывал вакуум. По телу разливалась невыносимо приятная лень, ужасно хотелось пить, съесть конфетку, ещё лучше целую плитку шоколада.

На этой мысли Зойку накрывала сонливость. Она закрывала глаза и включала непослушное отчего-то воображение, которое нехотя ткало почти бесформенный образ того, кто должен был присниться.

А сейчас девушка танцевала, выплёскивая наружу избыток энергии, помогая себе голосом, – ля-ля-ля, ляля-ляля-а-а-а, я влюби-и-и-и-и-лась, – с чувством, в переменной тональности, от драматически хохочущего утверждения, до лирически нежного признания самой себе, со слезой в голосе, используя при этом разные музыкальные размеры.

С нескрываемым наслаждением вокалировала перед зеркалом в полный рост нагая до непристойности Зойка, стройная восемнадцатилетняя хохотушка, внимательно разглядывая себя со всех сторон, – ляляляля, ха-ха, он мой, а прочее неважно!!!

Число восклицательных знаков в данной ситуации не имело значения: она была беззаботна, весела и бесконечно счастлива.

Девушка с нескрываемым восхищением смотрела на худющие, но стройные ножки, на малюсенькую, не больше недозрелых яблочек, тугую грудь, до которой невозможно было дотронуться, чтобы не ойкнуть – настолько было приятно осознавать себя не просто влюблённой девчонкой, а почти женщиной, настоящей женщиной, которую любят.

– Ой, мамочки, – сладко представляла Зоя как Лёнька с головой залезает под блузку. Выше, ещё выше. Здесь. О-о-ой, кажется опять!

О том, что происходило дальше, Зойка не поведала бы даже под пыткой. Это были ощущения на грани.

Даже рядом с Лёшей, самым первым в её жизни мужчиной, она ещё ни разу не была настолько счастливой и раско-

ванной.

На самом деле ничего между ними такого пока не было. Воображаемая любовь, но такая страстная. Он ловко держал её за талию, шептал на ушко удивительные слова, щёкотно дул на лицо и шею, целовал.

Да, целовал, что в этом такого! Зойка готова была раствориться в нём, не то, что губы подставить.

Она была уверена – он любит её. Любит, любит, любит!

Откуда она это знает? Да не знает она, откуда... но точно знает!

Лёньке двадцать шесть, ей восемнадцать.

Буквально через два месяца после первого свидания Зойка с нескрываемым наслаждением позволила любимому раздеть себя. Что было потом, она помнила фрагментарно, на уровне ощущений.

Неважно, что конфетный сезон такой короткий, если по-настоящему любишь.

Лёнька был такой настоящий, такой необыкновенный, такой чуткий и ласковый!

Зойка задыхалась, когда повествовала подругам о нём – о мужчине её мечты.

Что было после, что вначале, о том она красноречиво молчала.

Это была их личная сокровенная тайна. Разве таким делаются!

Лёша приходил два раза в неделю, приносил цветы, сувениры, и целовал, целовал.

Если бы вы знали, сколько чувства он вкладывал в поцелуи, как ловко раздвигал языком губы.

Зойка боялась папы, его реакции на взросление, потому они шли исполнять танец страсти на берег реки, в тайный затон, где был малюсенький рыбацкий домик.

Добирались на лодке, которую Лёша без спроса брал на берегу. Уже тогда у Зойки от наслаждения вперемежку со страхом дрожали ноги.

Зажигали костёр, пили чай, мечтали, а потом...

Как нежно, как страстно он делал это!

Похожее наслаждение она испытывала, доводя себя до экстаза самостоятельно, но это, когда мужчина в тебе, когда видишь его глаза, держишь его руки, а блаженство по всему телу разливается как бы само, в тысячу крат слаще.

Первый раз было очень приятно. Зойка рассердилась,

обиделась. Даже всплакнула.

Лёша убедил попробовать ещё.

Ощущение полёта пришло не сразу, но появилось, и больше не покидало сознание.

Их безумно притягивало нечто сверхъестественное, магическое.

Часы разлуки тянулись бесконечно долго. Лёша не объяснял, почему встречи случаются редко, а Зоя стеснялась спросить.

Она вообще ничего про любимого, про его работу, семью, не знала, хотя о себе рассказала всё-всё, даже то, что должна была хранить в тайне.

То, что творилось у неё в голове, что воспалённое воображение превращало в наваждение, в одержимость, невозможно описать словами: Зойка текла как ключевой источник – круглосуточно, стоило лишь вспомнить родное имя или представить нечто, связанное с ним.

Влюблённые всегда держались за руки, обнимались, когда оставались вдвоём. Это было так здорово, так естественно.

Однажды они что-то справляли у друзей, припозднились. Хорошо, что Зоя папу предупредила заранее, будто у Алёны заночует.

Настроение было приподнятое, компания весёлая, стол

ломился под тяжестью вкусных блюд. Впервые с момента знакомства танцевали.

Контактный танец, это нечто особенное. Ты чувствуешь его, он тебя: каждое движение, как в интимном поединке, но кругом люди, смотрят на тебя или нет – неизвестно. Возбуждение в каждом движении, в каждом взгляде. Желание заставляет заступать за формальные рамки поведения, предусмотренного воспитанием и этикой.

Вот Лёшины губы прокладывают невидимую дорожку от впадинки на шее к уху – самой чувствительной части открытого тела, вот уже в ухе его язык.

Зоя затаила дыхание, чувствует – подступает то самое нечто, отчего способен отключиться мозг. В ответ протискивает острую коленку ему между ног.

Так и знала! Пора остановиться, но как, если дерзкая провокация известила мозг о том, что чудо уже в пути, что ещё немного и будет поздно.

Зоя закрыла глаза, поручив себя воле партнёра, и погрузилась в иллюзию.

Вот она снимает чулки, сбрасывает с себя платье, трусики. Лёша наблюдает, делает вид, что нагое тело – нечто обыденное. Ложится на кровать, дерзко раздвигает ноги, призывает его, манит движением руки. Вот она запрокидывает руки за голову, напрягает живот, наблюдает, как аппетитно топорщатся миниатюрные яблочки груди.

Продолжать дальше невыносимо. Ещё секунда и по ногам

потечёт.

– Нам пора, Лёша, нам пора! Я так больше не могу. Который час?

Время пролетело незаметно.

– Уже поздно, последний автобус ушёл часа полтора назад. У друга здесь дача, совсем рядом. Переспим, а утром домой.

Зойка была счастлива лишний раз побыть наедине.

Одежду в приступе безудержного влечения разбросали по всему этажу, творили такое!

Чувственное слияние без тормозов было похоже на сатанинский шабаш. Доведя друг друга до точки кипения, любовники ничего не стеснялись.

Зое было совсем не стыдно, даже когда Лёнька языком проник в святая святых и дотронулся до заветной бусинки.

– Если ему хорошо, почему я должна смущаться, – решила она и затаила дыхание.

Что произойдёт через пару секунд – она знала.

Скользящее движение языка мгновенно вызвало чувственный шок. Зоя, сколько могла, задерживала дыхание на полном вдохе, напряжинилась, ожидая начала феерии, которая росла и раскрывалась изнутри, наливаясь соком как спелая ягода.

Конвульсии, начавшие сладко терзать взбудораженное восторженным экстазом тело, застали её врасплох. Из груди невольно вырвался крик, ознаменовавший нечто новое, поистине сказочное в любовных отношениях.

В этот волшебный миг, секунда в секунду, стыдно-то как, скрипнула дверь, зажёгся свет.

– Ой, извините, девушка, мне нужно было кое-что забрать. Простите, ради бога, я не хотела... муж меня не предупредил. Я сама виновата. Ещё раз простите, так неловко вышло!

Зойка забилась под одеяло, рыдала, – кто эта женщина, чего ей здесь нужно, чей муж!

– Я должен был признаться раньше, Зоенька, но не смог. Ты такая... я голову потерял. Это Регина. Жена.

– Чья жена!

– Неважно. Ведь я тебя на самом деле люблю. Хочешь, я с ней разведусь?

– А она?

– Она тоже... тоже меня любит. Так бывает, детка. Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Всё однажды кончается, но...

Ночь пуста. Это норма. К чему ей казаться полной?

Небеса холодны, как и кровь, как вода в колодце.

В эту странную ночь Я хотел бы писать как Бродский,

О любви. Но на деле выходит сплошное порно.

Саша Бест

Чёрт бы побрал мою врождённую способность двигаться бесшумно.

Лучше бы я этого кино никогда не видел и не слышал. Хотя... это наверняка знак.

Что поделать, всё уже произошло: изменить видеоряд, остановить движение киноплёнки, закрыть глаза, отвернуться, уйти – не-воз-мож-но-о-о-о!!!

Чувственное изображение на картинке, чёрно-белый абрис безумной страсти на фоне стены, освещённой отражённым светом уличных фонарей, застыло где-то внутри меня: в мозгу, в глазах или где-то ещё вне телесной оболочки.

Объёмная голограмма впечаталась в сознание, словно отлитая в бронзе или высеченная в каменном монолите.

Это был миг... ослепительная вспышка между прошлым и будущим в звенящей темноте моей уютной комнаты... в

нашей с женой спальне, где мы прожили бесконечно долгие, благословенные и счастливые семь лет.

Честно говоря, я до сих пор не могу убедить себя, что это случилось на самом деле.

Дикая, нелепая случайность. Так хочется думать.

Все векторы судьбы странным образом сошлись в единственной точке, проекцию которой я только что с содроганием и леденящей тоской, сковывающей тело и разум, наблюдал на слабо мерцающем экране.

В электрической системе нашего офиса произошла какая-то странная авария, причину которой никак не могли обнаружить. Потом загорелся цокольный этаж. Понаехали пожарные, здание оцепили. Нас эвакуировали.

Начальство приняло решение отпустить всех по домам, поскольку на улице начинало смеркаться, к тому же было холодно и ветрено, толпа на улице ограничивала аварийной команде свободу действий, а до завершения рабочего дня оставалось чуть больше двух часов.

Не скрою, я обрадовался. У жены как раз был плановый выходной. Мы так давно нигде не были вместе.

По дороге я совершенно случайно купил билеты на концерт Петра Налича, который анонсировали в ночном клубе по соседству с нашим домом.

Две девушки уступили мне счастливый случай угодить жене: она так любит Петра и его замечательный музыкальный коллектив.

Сердце моё стучало в предвкушении триумфа, до которого оставалось восемь пролётов лестницы (лифт почему-то не работал), входная дверь и малюсенький коридорчик.

Я тихо-тихо, как сапёр или разведчик, отворил замок, прошмыгнул в коридор, снял верхнюю одежду, стараясь не скрипеть ламинатом.

В квартире приятно вибрировал таинственный мягкий полумрак, создающий для выполнения приятной миссии замечательный антураж и эмоционально насыщенную атмосферу.

Жена, по всей видимости, прилегла. Или мечтала о чём-то своём, девичьем. На то и выходной, чтобы насладиться тишиной и одиночеством. Сам давно мечтаю о целом дне, посвящённом беспрецедентной, абсолютной лени.

Тапочки не стал одевать специально, мечтал разбудить любимую поцелуем или ласковым прикосновением.

Я различил в полной тишине едва слышимое шуршание, потом вздох или приглушённый стон.

Додумывать ничего не хотелось: до концерта оставалось не так много времени, если всерьёз рассуждать о том, чего стоит молодой женщине собраться экспромтом, без предупреждения.

Наслаждение моментом усилилось до размеров экстаза, когда я неожиданно почувствовал резкий, очень знакомый запах страстного поединка мужчины и женщины в постели.

Бред какой-то, странная материализация собственных ин-

тимных фантазий.

Вечером, это пикантное приключение случится вечером, после концерта. Потом приятный романтический ужин в кафе, на подъёме настроения, и в качестве благодарности наисладчайший интимный десерт.

Будет, конечно всё будет, ведь мы любим друг друга..

Понятно, что я тут же отмахнулся от глупой иллюзии, которой пытался увлечь меня изошрённый в интимных интригах мужской мозг, мечтающий скорее обнять любимую женщину.

Ещё один скользкий бесшумный шаг по поверхности полированного ламината...

На фоне тусклого света стены в нашей супружеской спальне красиво извивались две изящные тени.

Чудесное видение.

Я едва успел затормозить, когда грациозный силуэт с мягкими девичьими округлостями, нависающий сверху, чувственно выгнулся и застонал.

Кино оказалось озвученным, причём голос был явно знакомый, тот самый голос, который я боготворил.

Неужели?! Да нет, глупости.

Я засмотрелся на стремительно раскачивающийся ритм волшебного танца теней.

Хрупкая фигура сверху хлопала летящими крыльями, вибрировала, грациозно и плавно откидывалась назад, застывала на мгновение, падала вниз.

Силуэты приподнимались, сливались, закручивались, порхали, растворялись в темноте и снова возникали на фоне мерцающего экрана, повторяясь на нём искорёженными пространством и перспективой двойниками теней.

Лишь изредка танцоры приобретали объём, когда их вытаскивал из темноты свет автомобильных фар.

Сладострастные звуки эмоционально дополняли потрясающий экспрессией и динамикой соблазнительный видеоряд, который крутили и крутили бесконечно долго.

Светлым каскадом рассыпались по плечам виртуозно скачущей прелестницы поблескивающие искрами волосы, струящиеся по угловатым плечам.

Я был потрясён, шокирован, раздавлен непристойно бесстыдной красотой кинофильма, на демонстрацию которого действующие лица и исполнители наверняка не рассчитывали.

Героиня ролика затряслась вдруг в экстазе, прерывисто задышала, закричала как раненная птица и затихла, позволив второй фигуре взять на себя ведущую роль.

Тени на время неподвижно застыли, переместив акцент на чмокающие звуковые эффекты, на жаркий чувственный шёпот, усиленный концентрированным ароматом похоти.

Мурашки толпой понеслись по моей превратившейся в очаг воспаления коже. Ничего более захватывающего, более интимного и чувственного я не видел ни на одном экране.

Где-то в глубине себя я пытался осознать нелепость и мер-

зость увиденного, но сложить воедино, поверить в реальность реализации страстного эротического сюжета с женой в главной роли было выше моих сил.

Тем временем любовники поменялись местами.

Крепко скроенный торс переместился вверх, принялся, громко дыша и хлюпая, раскачиваться с ускоряющейся амплитудой. Крошечные ножки летали в такт мощным движениям.

Я стоял в оцепенении, не в силах сдвинуться с места.

Весьма правильно и эффектно в данных обстоятельствах было бы прервать захватывающее эротическое представление продолжительными аплодисментами, переходящими в неистовые овации, потом вызов на бис, включение яркой иллюминации.

Мне хотелось немедленно посмотреть в глаза пламенным виртуозам, лично поздравить с успехом премьеры, но на это не было, ни сил, ни желания.

Оставалось дожидаться ещё одной кульминации, которая, судя по звукам, была предельно близка.

Боже, какая нелепость какой дурной вкус, какое абсурдное восприятие действительности, в которой на моих глазах я же был превращён в украшенное ветвистыми рогами ничтожество: глядя на эту фантастическую пошлость, на публичную измену, у меня неожиданно случилась эрекция небывалой силы.

Кажется... я финишировал, словно так и было задумано

создателями порно фильма. Финишировал одновременно с актёришками. Недаром они так старались.

Некоторое время, пока любовник накручивал на пальцы золотистые локоны жены, пока шептал ей на ушко слова признательности, пока громко перецеловывал что-то там у неё внизу, пока видеоряд транслировал лишь вздымающийся пузырь простыни или одеяла, я пытался прийти в себя, пытался принять хоть какое-то взвешенное решение, которого, увы, не было.

Туман в голове усиливался. Ещё мгновение и скорее всего я упал бы в обморок.

Я ощутил на губах солёный вкус: непрошенные, напрасные по своей сути слёзы. Стоит ли сожалеть о том, что стало вечностью, тем более не своей, чужой вечностью?

Всего один шаг между прошлым и будущим отделял меня от любви, которая упорхнула в некстати открытую форточку, только что, только что, прямо у меня на глазах.

Я видел в динамике, как любимая женщина улетала в параллельную Вселенную, как яростно взмахивала элегантными руками-крыльями, такими маленькими, такими родными и нежными.

Подступило и заперло дыхание страстное желание закричать, затопать ногами, сорвать с негодяев обнажающие их преступную суть покровы, вывернуться, отхлестать по щекам, выбросить нагишом на лестничную площадку, чтобы неповадно было обманывать человека, который верил, ве-

рил, верил!

Верил, но ошибся.

У меня был выбор: устроить грандиозный скандал, став на мгновение победителем непонятно чего, или уйти незаметно, по-английски, отпустив ситуацию на волю, чтобы дать себе время обдумать каждую мелочь, каждый штрих предстоящего решения.

Мне было предельно больно, тяжело физически, словно что-то жизненно важное отчекрыжили от моей чувствительной плоти изуверским инквизиторским приспособлением, тщательно продуманным, чтобы причинять максимально возможные страдания.

За несколько мгновений, я совсем не представлял порядок и размер реальной временной шкалы, потому, что она немисливо растянута, образовав нечто вроде подвижного вывернутого наизнанку тора, возвращая и возвращая события в точку кристаллизации событий, разрушивших до основания ощущение мира во мне и меня в этой агрессивной, склонной к разрушению романтической иллюзии.

Перед глазами поплыли обрывки чьих-то фраз, чёрно-белые мерцающие кадры суетящихся теней, резкий свет. Потом начали проявляться уродливые испуганные лица, выглядывающие из помятых простыней.

Любовник бочком сполз с супружеского ложа, зажал некий сморщенный предмет, болтающийся между ног.

Эхом звучали странные фразы пытающейся обосновать

случайность произошедшего спектакля жены. Тщедушный мужчинка прыгал на одной ноге, пытаясь вдеть ногу в непослушную штанину, спешно распахивал по карманам трусы и носки, извинялся, давал кому-то нелепые обещания.

Жена хлопала ресницами и губами, словно пыталась поймать пузырьки воздуха, спрятала под подушку использованные не по назначению трусики, стыдливо закрывала ладонями торчащие вишнями соски, суетливо накручивала на торс простыню.

Глядя на это представление, спонтанно созрело решение: какого чёрта я должен страдать по такому позитивному в принципе поводу? Карты, пусть и случайно, вскрыты, неприглядные интимные секреты обнажены, выставлены на обозрение. Шулер утратил шанс показывать красивые фокусы.

Меня тут же отпустило. В голове и теле появилась небывалая лёгкость.

Я рассмеялся. Беззлобно захохотал им в глаза, сказал, что чёрно-белое зрелище чувственного секса, особенно великолепный завершающий аккорд, было впечатляющим, что я даже предположить не мог, насколько у меня темпераментная, гибкая и чувственная спутница жизни – просто цирковая акробатка, гетера, танцующая фурия.

Посылаю бывшей жене воздушный поцелуй, разворачиваюсь и триумфально удаляюсь, оставляя парочку в полном замешательстве.

Жаль, что не догадался снять пикантную сцену на теле-

фон: в голову не пришло.

Ну и ладно. Зато я под впечатлением.

Моя жизнь, мои правила. А они... пусть сами разбираются. Каждый остаётся при своём: им вольный секс, мне – свобода от обмана.

И всё же интересно – как давно любимая водила меня за нос?

Белые кружева

Классический рецепт -

Смешайте с грустью кофе...

А, впрочем, не пора ль

От правил отступить?

Открою вам секрет:

Я, в общем-то, не профи

Советы раздавать.

Продолжу просто жить.

Мила Светлова-Скрипка

Случалось ли вам когда-нибудь выпадать из реальности, совсем, абсолютно, напрочь, чтобы никаких ровным счётом воспоминаний, вообще ничего?

Мишка Самойлов очнулся от громкого окрика, от того, что его трясли.

Сознание возвращалось медленно. Мужчина не мог понять, где находится, почему и зачем он здесь. На поверхность выплывала лишь одна догадка: неужели вырубил в драке, но отчего на нём такая странная одежда, словно с чужого плеча?

Было время, когда он боксировал довольно прилично, даже выходил на межобластной уровень. За год в соревнованиях разделал по орех двенадцать противников. Пять из них нокаутами.

Наверно слишком сильно поверил в удачу. Решил участвовать в боях без правил. В первом и последнем бою получил такую плюху, что очухался в реанимации. С тех пор, как бабушка заговорила: драк избегал любым путём.

Мишка потрогал скулы, бровь, переносицу, затылок – ничего не болело, но шумело где-то в мозгах изрядно.

Что всё-таки произошло?

Тряс его молоденький милиционер, совсем юнец. У стража порядка было выцветшее конопатое лицо, жидкие рыжие волосы и пустые, словно совсем бесцветные глаза.

– Сержант Борщ, – представился он, – документики предъявляем, гражданин.

– Я что-то натворил... извините, а где я?

– Понимаю, после недельного как минимум запоя и я бы забыл как меня зовут.

– А число... число сегодня какое?

– Ясно. Белый и горячий. Пройдёмте в отделение, будем разбираться.

В голове у Мишки потрескивало, жужжало и вибрировало. Судя по обстановке, это был вокзал, скорее всего железнодорожный.

Возвращение к действительности было болезненным, утомительным и очень долгим.

Сначала он сидел в “обезьяннике” в отделении милиции при вокзале, пока выясняли его личность, потом добирался без копейки денег на перекладных в соседнюю область, чему способствовали оперативники, передающие его с рук на руки.

Память к Михаилу вернулась ещё там, где его нашли.

Начало истории он вспомнил, но не то, что случилось после. Где и с какой целью скитался целую неделю, так и оста-

лось загадкой.

Хорошо хоть ключи оставил соседке, чтобы кота кормила. Мария Ивановна посмотрела на него весьма странно, словно не узнала, однако дверь отворила.

В квартире было чисто, только прибрано явно чужой, причём однозначно женской рукой. Это видно по кухне, по компьютерному столу. Там был полный порядок, такой, что теперь ничего не разберёшь.

Было непреодолимое желание выспаться, но хотелось добраться до сути, хотя бы схематически определить, как умудрился попасть в неприглядную историю.

Михаил ходил по комнатам, заглядывал в ящики шкафов, залез в компьютер.

Экран открылся заставкой. Это был портрет Оксаны. Девушка смотрела ему прямо в глаза, обещая как минимум поцелуй.

Мишка залюбовался невестой.

– Невестой! Да, да, именно так. У нас же должна состояться свадьба. Вот, шестнадцатого июня. Шестнадцатого! Но

сегодня двадцать пятое.

Мишка сел в кресло, задумался.

В голове было пусто.

Его мутило, от голода сосало под ложечкой, клонило в сон, но желание вернуться в реальность было сильнее.

Мишка решил поговорить с соседкой, встал, но она опередила события.

– Ты насовсем, Миша, а жена где, почему ты один, – напугала Мария Ивановна бесшумным появлением с котом на руках.

– Жена... у меня есть жена?

– Должна быть. По крайней мере, когда мы в последний раз разговаривали, ты собирался на собственную свадьбу. Выглядел куда интересней, чем сейчас. Невесту звали Оксана, если ничего не путаю. Почему ты в такой странной одежде? Не выбрит, пахнет от тебя, мягко говоря, не очень... ничего не понимаю.

– Я сам ничего не понимаю. Хотел у вас спросить, разобраться. Ладно, сначала нужно выспаться, иначе совсем с

ума сойду. Жена, невеста. Что я ещё о себе не знаю?

Сон был беспокойный. В нём он шёл по длинному тёмному коридору и открывал двери, одну за другой.

Нигде никого не было, однако пустота встречала странным смехом: непристойным, истерическим, вульгарным, даже нахальным.

Этот раздражающий хохот выводил из себя, взвинчивал. Было ощущение, что разгадка таится за одной из этих дверей, но она ускользала, сопровождая напрасные усилия сатанинскими звуками.

Это нечто над Мишкой явно издевалось, не иначе.

Дверей было много, очень много. Что-то гнало его вперёд, заставляло торопиться.

За очередной дверью, у Мишки было предчувствие, что именно она охраняет тайну, был яркий свет.

Тишину нарушали мерные шлепки. Где-то он подобное слышал.

Справа стояло существо с рожками в козлиной шкуре. Оно ритмично с силой двигало тазом в направлении стола, энергично помахивая хвостом, а руками с копытами держа-

ло женские ноги в знакомых туфельках.

Эти туфельки... туфельки, которые он лично примерял Оксане.

Оксане. Примерял. Невесте. Примерял.

В это время рогатое повернулось. У него были Витькино лицо.

Лицо или маска Витьки Пронина, лучшего друга и свидетеля на его свадьбе.

Мишка закричал, проснулся. Видимо во сне он придавил Чубайса, кота, доставшегося от матери по наследству.

Тот взвился, протянул когтищами по лицу, расплосовал щёку.

Оксана, Витька, туфли, свадьба, – как робот повторял Михаил, прижимая к щеке окровавленную подушку.

Сердце билось в предчувствии чего-то ужасного, непоправимого.

Оксана появилась в его жизни чуть больше года назад. Они познакомились у Витьки на дне рождения.

Девушка покорила его сердце сразу, стоило лишь заглянуть ей в глаза. Они танцевали, разговаривали. От неё веяло теплом, уютом и уверенностью.

Оксана знала, чего хочет от жизни, по каждому вопросу имела сформированное суждение, была жизнерадостна и легка. И дело не в весе девочки, в её живости, остроумии, дружелюбии и нежности.

Двигалась подруга плавно, по-кошачьи. Так же пластично выгибалась, жестикулировала, посылая мимические сигналы.

Спустя пару часов Мишка уже сходил по ней с ума. Оксана позволяла за собой ухаживать. А как она пахла!словно земляничная поляна в хвойном лесу в знойный полдень.

Юноша надыхаться не мог.

К тому же девушка позволила проводить себя до дома. Как же застенчиво и скромно она себя вела, даже поцеловать не позволила.

Почти год волочился парень за Оксаной, добивался взаимности.

Настойчивость и любовь сделали своё дело.

Влюблённые подали заявление на регистрацию брака, обговорили детали, приготовили к свадьбе всё-всё-всё.

Как же сладко было её целовать. Хрупкое тело в его неопытных руках буквально таяло. Наконец-то Оксана позволила некоторую степень близости.

События минувшего года пролетели в сознании, шурша запоминающимися мгновениями, чудесными переживаниями, увлекательными моментами, непередаваемыми эмоциями, не проходящим состоянием безграничного счастья и уткнулись в нечто ужасное.

Опять это пугающее нечто. Всё как во сне.

Мишка попытался вернуть обратно ангельскую внешность любимой, снова включил компьютер.

Оксана была великолепна, хотя позировала, намеренно выдавая себя за опытную, даже немного стервозную женщину.

На портрете в заставке она выглядела той ещё штучкой.

Тут ему в голову пришла идея позвонить.

Телефона нигде не было.

Но ведь есть скайп, одноклассники, наконец. Куда она пропала, почему сам он оказался не рядом?

А свадьба...

Рука потянулась к мышке.

Гул в голове набирал обороты, словно реактивный самолёт разгоняет двигатель. Мишка даже схватился за уши, чтобы хоть так заглушить непереносимый шум.

Вдруг всё стихло. Слышно было, как Чубайс лакает что-то из блюдечка рядом со столом. Этот звук напомнил то, что испугало, что вывело его за пределы сознания, потому, что поверить в это было невозможно.

Там, это было там, в той комнате!

Оставалось несколько минут до регистрации. Торжественный акт у предыдущей пары подходил к завершению. Жених волновался. Невеста, видимо, тоже.

Оксана в облаке фаты и свадебных кружев улыбнулась мило, передала Мишке свадебный букет, чмокнула в губы, — я скоро, любимый. Даже соскучиться не успеешь. Как же я люблю тебя, плюшевый мой пупс.

– Давай провожу.

– Ну что ты, неудобно оставлять гостей в такую минуту. Я так счастлива.

Мишка посмотрел, как невеста подобрала платье-бизе, как ловко, словно плыли по блестящему паркету, переступали малюсенькие туфельки.

Как же ему хотелось, чтобы всё это ненужное торжество быстрее закончилось. Юноша мечтал о первой брачной ночи, о том, с каким наслаждением будет знакомиться с обнажённым телом теперь уже практически жены.

Мишка чувствовал каждой клеточкой тела, как прикасается губами к животу любимой, как опускается ниже и ниже.

На этом месте ему стало неловко, потому, что нескромное желание явно угадывалось по выпирающему бугру на брюках.

Жених украдкой посмотрел на гостей. Им было не до него. Из зала уже выходили новоиспечённые молодые супруги: раскрасневшиеся, уставшие, но весьма довольные, что торжественная церемония позади.

В зале их ждали накрытые столы с конфетами, фруктами и шампанским.

Невесты всё не было.

На него начали шикать. Хотели было послать на поиски свидетеля, но тот тоже испарился.

Мишка побежал сам.

Сам побежал.

Коридор был длинный, направо и налево комнаты.

Жених открывал все подряд.

Нигде никого не было.

В туалете тоже.

Он даже в дамскую комнату заглянул.

Там Оксаны тоже не оказалось.

Оставалась всего одна дверь.

Мишка уже хотел повернуть назад, но чего-то такое услышал. Кажется голос.

Мгновение он колебался, открывать или нет, нужно было торопиться. Если пропустят свою очередь, ждать придётся до окончания всех регистраций.

За последней дверью жених увидел то, чего не должно было быть в принципе, чего просто не могло быть.

Не мо-г-ло!

Но было.

Белые кружева, миниатюрные туфельки на высоком каблуке, летающие в воздухе, стройные ножки невесты в ажурных чулочках.

Его невесты, которую держали за миниатюрные щиколотки, вколачивая нечто меж ног.

Витька Пронин со спущенными брюками вилял голым задом, отчего раздавались шлёпающие звуки.

Оксана громко стонала.

Оба были предельно увлечены.

Мишка кинул в спину Витьке свадебный букет, хлопнул дверью и побежал.

По дороге схватил с чужого стола бутылку шампанского, снял и выбросил пиджак.

Ещё он вспомнил, что пил прямо из горла, что метался по

шоссе в попытке броситься под колёса.

Потом его погасили.

Или он сам потушил свет.

Что было дальше, скорее всего, восстановить не удастся. Наверно его увезли на скорой помощи, без документов, ведь паспорт был на регистрации брака.

Мишка не хотел верить.

– Нет, нет и нет, – кричал он. Этого просто не может быть.

– Чего разорался, – оборвала его неожиданно вошедшая Мария Ивановна, – потерял чего или как... почему дверь на-распашку? Ого, кто это тебя разукрасил, с Чубайсом что ли подрался?

– Потерял, Мария Ивановна! Скорее нашёл. Только понять не могу, зачем Оксанка свадьбу-то затеяла.

– Может, объяснишь всё же! Одни загадки у тебя нынче.

– Всё хорошо. Наверно так даже лучше. Холостой я, Мария Ивановна. Холостой и свободный. Совсем свободный. Как же всё здорово складывается!

Виртуальность

Я тебя разлюбила. В семь тридцать утра.

Ты за круглым столом ел на завтрак омлет,

А я думала: «Странно, ведь только вчера

Я любила тебя. А сейчас – уже нет».

Юлия Вихарева

Лариса Васильевна работала в горячем цеху. Пекла пироги и булочки в промышленных масштабах.

Женщина она видная, то и дело пекари да тестомесы подкатывали: норовили за пухлый зад ущипнуть, за талию облапить, а то и к стенке прижать ненароком, распаяя её богатое эротическое воображение.

Она была женщиной без особых интимных комплексов. Понимала романтическую мужскую сущность, которая без женской ласки и специфических изгибов их чувственных конструкций функционировать в принципе не способна.

Природа знает своё дело. Пчёлы отдельно от мёда жить не могут. А она сладкая, и знает о том.

Но баловать никому не давала. Ни-ни!

Вдыхать аромат, созерцать, восхищаться – пожалуйста. Эстетическое наслаждение налогом не облагается. Любуй-

тесь, завидууйте, наслаждайтесь. На расстоянии.

У неё и с юмором всё в порядке. Даже непристойные шутки правильно понимала. Хотят её, хотят бесенята. Как же это чертовски приятно.

Лариса Васильевна преподнести свои прелести умела. Знала, кто на что клюёт.

Но это лишь выставка достижений, не более того. Витрина, так сказать.

Дома её свой труженик ждал, бог сладострастия. Муженёк любимый.

Лариса даже на жертву пошла, когда замуж за него выходила. Звучную родительскую фамилию сменила на такое убожество – жуть!

Любовь. За неё можно на любые мучения пойти.

Вот только... да, компьютеры, гаджеты, интернет. Как же она всё это ненавидит.

Всю жизнь ей эти взрослые игрушки поломали.

До того, как в их доме появилась эта забава, жили они с Витькой душа в душу.

Ходили везде вместе. Где только не бывали.

А интимная близость...

Это было что-то изумительное, волшебное!

Совсем недавно. До умопомрачения, до полной потери пульса.

И что теперь! Кому она нужна, её спелая сладость!

В виртуальном пространстве совсем другая эротика.

– Витенька, солнышко моё, близости хочу. Большого и толстого вдохновения. От страсти сгораю. Истомой греховной изошла, – кричала в приступе сладострастия Лариса, приходя со смены, где проклятые мужики так разожгли её вожделение, что трусики пришлось поменять.

Что поделатъ, когда на работе жара несусветная, халатики почти прозрачные, формы у дам изумительные.

Мужикам соблазн уже в этом. Думаете женщинам легче? Подойдёт тестомес с ручищами как лопаты, прижмётся, за грудь облапит.

Внутри всё-всё тикает и стонет.

А нельзя. Никак невозможно показать греховную сущность, поскольку потом прохода не дадут. А муженёк завис в виртуальном пространстве. Оглух и ослеп. Даже на запах не реагирует.

Любил последний раз, дай бог месяц назад. Минут на пять от монитора оторвался, прибежал, давай торопить.

Глаза по полтиннику, словно не в себе муженёк.

Тык-пык, влетел в грот удовольствия, не поздоровавшись, как на пожар торопился. Дёрнулся пару раз и скис.

Оскопляет что ли этот проклятый тырнет?

– Оторвись, любимый, хоть на минутку! Я для тебя духи новые купила. С феромонами. Смотри. “Дезире феромон ай эм леди” называется. Говорят, от них у мужиков неделю стоит, не падает. Да! Ты меня слышишь, милый? Я тебя жду. Интима хочется.

– Ты ужинай, Ларисочка, ужинай. Я после. Про трах бах пока не интересно. У меня тут такое.

– Какой трах бах, Витька! Ты что, совсем ополоумел со своим компом. Ау! Это я, твоя любимая жена. Завтра выходной, суббота. Я детей специально к маме отправила, чтобы с тобой побыть наедине. У меня мозг и все внутренности от недотраха опухли.

– Некогда мне, любимая. Чего сама-то с ними не уехала? Отдохнула бы как следует на природе, здоровье поправила, а то нервная стала. Какой к чёрту секс после тридцати?

– Угомонись, супостат, не включай идиота!

“Спокойствие. Только спокойствие”.

– Смотри, милый, я себе ещё бельё эротическое приобрела, и колокольчик серебряный. Сейчас привяжу к нему шнурочек атласный, голубенький, и повешу на свою стройную шейку. Буду как корова Зорька в деревне у свекрови, ходить по квартире и брэнчать, чтобы ты знал, что я ещё живая.

– Я тебя тоже люблю. Классно выглядишь, хоть и растолстела.

– Кто, я! Витя... ку-ку... у нас в цехе стройнее меня никого нет. Посмотри, засранец, на мою осиную талию. Где ты такое совершенство ещё увидишь. Ну, ты и подлец, Таратыкин. А грудь... как у восемнадцатилетней девчушки. Обидеть хочешь, чтобы не приставала! Какой же ты... а не импотент ли ты милый, часом? Ладно, не заводи. Пошутила я. Ты у меня ещё ого-го! Иди ко мне, всё прошу.

– Сиськи, это, конечно, круто. Сфотографируй и пришли. Буду в фейсбуке хвастаться.

– Это я, твоя любимая, – слезливо вымолвила Лариса, присев рядом с мужем на стул в эротическом белье, в три слоя облитая афродизиаками.

Желание понемногу испарялось.

Витька безмолвствовал, шумно орудуя клавиатурой и мышью.

– Посмотри налево, это я, твоя ненаглядная Ларочка, полчаса уже вокруг тебя круги нарезаю. Заметь, дорогой, топлес перед тобой танцую в непотребном виде. Может мне совсем раздеться? Хоть обними. Или шест смонтировать для стриптиза, курсы танцовщиц закончить? Как тебя расшевелить. Прямым текстом говорю – хочу трахаться. Так понятно, балбес!

– Не кипешуй, отвали. Хочешь – иди и сделай. Я-то причём. Вот пристала. Все вы бабы ненормальные. Другого времени не нашла? Видишь – на пятый уровень перешёл. Думаешь просто! А... с кем я говорю. Тебе не понять. Посмотри, сколько оружия набрал. Остынь пока. Иди, помойся. Я, сейчас, только доиграю.

– Помылась, приманкой специальной для кобелей ненасытных намазалась. Сама себя уже хочу. Если у меня месяц уже всё внутри горит, тогда как? Сюда посмотри, паразит.

Да повернись же, наконец! Видишь, это мой паспорт, в нём штампик стоит, который свидетельствует, что у меня, Ларисы Васильевны Кораблёвой, теперь Таратыкиной, зарегистрирован брак с гражданином, сюда смотри, паршивец. Вот, с гражданином Таратыкиным Виктором Петровичем. Представляешь, на какие я жертвы пошла, замуж за тебя выскочив? У меня, фамилия была, песня, а теперь? Как корабль назовут, так он и поплывёт.

– Маньячка. Тебе секс дороже мужа!

– Говорили же подружки, предупреждали, что ты ненормальный. Любовь, блин! В паспорт, смотри. Это случайно не ты? Неужели я перепутала? Да нет же, вот документ, в нём фотография... похож, вроде! Чертовски похож. Просто одно лицо. Кстати, у нас с тобой двое детей. Ты ещё не забыл, как их делают?

– Отвали, сказал, сейчас меня, из-за тебя между прочим, подобьют... и что, всё с начала начинать? Вечно тебе чего-нибудь приспичит не вовремя. Чего нужно-то от меня! Вызови сантехника, или столяра. Что там у тебя сломалось?

– Уже ничего... а вообще-то я, я сломалась. Зачем мне сантехник, если муж есть, то есть был! Зря я Кольке Жаркову отказала. Слесарь, говоришь... это идея.

Лариса Васильевна легла на супружеское ложе, раздвину-

ла ноги и ловко заработала пальчиками...

– Ой, хорошо-то как, просто супер. Да, да, йес! Так, так. Ещё немножко. Ну, же! Я уже сама... сама справилась.

– С кем ты там разговариваешь! У тебя пять минут. Сейчас уровень закончу и прибегу.

– Поздно, милый. Уже опоздал. Мне и без тебя хорошо.

– Это как!

– Ручками, Витенька, ручками. Вперёд, назад. Вверх, вниз... А то забыл, милый? Аэробика называется. Для хорошего самочувствия. Психоэмоциональное напряжение требует разрядки, чтобы организм не перегрелся. Не отвлекайся, а то подобиют. Пойду теперь к Ленке. Пивка попьём, развеемся. Может, снимем кого... а то сама да сама. Мужика страсть как хочется. И чтобы как танк... с полным комплектом оружия.

Виртуального тебе счастья, Витенька. Я ушла. Ужин не забудь приготовить. Приберись. Я, похоже, поздно приду. Уставшая буду. Всё, отваливаю.

– Лариска, зараза, потерпи ещё десять минут. Потом расскажешь, чего там у тебя стряслось.

– Потом, так потом. Я ведь не настаиваю. Свято место пусто не бывает. Не перевелись ещё на Руси богатыри...

Кстати, у Ленки должен быть телефон Жаркова. Растолстела, говоришь? Ну-ну!

Букет эмоций

... тоска

Моё нутро, как лис голодный, гложет.

И в зеркале – пугающий оскал,

И есть потребность выпрыгнуть из кожи,

И сколько я лекарство ни искал,

Не смог найти того, что мне поможет.

Гай Фридман (Гаййй)

В школе Ромка числился записным ботаником.

Увлечением его были физика и математика. Олимпиады, конкурсы, диспуты со знатоками, лекции, задачи без конца и края – вот мир его интимных пристрастий.

Он был по-настоящему одинок, но совсем не тяготился этим обстоятельством.

Друзей Роман не имел и не искал. Зачем?

Однако, как и все ровесники, посещал иногда школьные

вечеринки, общественные мероприятия и концерты, даже на танцевальную площадку заглядывал.

Вполне естественно, что девочки им интересовались. Заметьте, не он ими, а совсем наоборот. Парень-то интересный, рослый, ухоженный, с волевым лицом и крепким телосложением.

Мама его, Софья Терентьевна, швея, работала на дому, обшивала весь истеблишмент в посёлке. Свадебные и выпускные наряды, костюмы для самых взыскательных и элегантных заказчиков модной одежды – её рук дело. Мастерница-кудесница.

Естественно, её единственный сын всегда был в обновках. Да каких – закачаешься. Только ему эти модные изыски были "по барабану". Вот, если бы книжку по программированию или математическому анализу, тогда, да.

“Шмотки важны для балбесов”. Это не автор сказал – Ромик так думал.

Девочки то и дело пытались с ним знакомиться. Он интеллигентно улыбался, благодарно кивал головой, но молчал, и исчезал при первой возможности. По-английски: тихо-тихо, бесшумно.

Иногда, правда, когда не мог предъявить достаточно убедительные аргументы, чтобы отказаться, а девушка проявляла крайнюю настойчивость, танцевал.

Получалось у него это из рук вон плохо. То и дело мальчик наступал на ноги партнёршам, краснел от собственной неуклюжести, извинялся, и старался незаметно ретироваться.

Однажды в школу в середине учебного года пришла новенькая, Ася Малькова. Вся такая воздушная, гибкая, ловкая, энергичная, яркая, светящаяся. Не девочка – мотылёк с прозрачными крылышками.

Перемещалась девчонка в пространстве как ртуть – ни минуты не ведая покоя. Улыбка не сходила с её удивительного лица.

Глаза цвета спелого гречишного мёда в половину лица, небывалое остроумие, неизменное воодушевление, изящество, грация. И море обаяния.

Про таких девушек, говорят – кровь с молоком.

Точёная фигурка, весьма заметные холмики груди, упругая попка. Но, это уже на любителя.

Она и вела себя соответственно, не принимая никаких

возражений, если чего-то сильно хотела. А хотела она всегда и много чего.

Разговаривала громко, уверенно, как обычно общаются учителя с учениками.

Язычок у Аси скорый, чрезвычайно острый. Всех классных говорунов и охальников буквально за неделю поставила на место.

Старшеклассники, из тех, что успели созреть, добивались её благосклонности довольно яростно, на конкурентной основе, нередко выясняя отношения после уроков на спортивной площадке один на один.

В числе боевых трофеев были разбитые носы, брови и даже выбитые зубы.

Ася была непреклонна, не принимала ничьих ухаживаний. Зато с нескрываемым интересом засматривалась на Ромку.

Дело вкуса.

Несмотря на сидячий образ жизни ботаника, юноша мог похвастаться атлетическим торсом и рельефным прессом. Он запросто крутил солнышко на турнике, на кольцах и во-

все показывал мастер-класс.

Рост у Ромика довольно высокий, пружинистая походка, ловкие движения, выразительный взгляд. Правда, мимический рисунок лица обычно озабочен чем-то отвлечённым, нездешним.

Юноша редко находился там, где пребывало в данное время его физическое тело. Обычно он решал в уме некие фундаментальные проблемы, которых не существовало в реальном мире.

Каким он был на самом деле, никого не интересовало. Ботаник. С умниками никому не интересно.

Зато Ася мечтала, хоть одним глазком заглянуть в его внутренний мир, и конечно почувствовать вкус интимных прикосновений.

Не удивляйтесь, она входила в немалое число девушек-скороспелок, которых интересовал не только и не столько духовный мир, сколько реальное проявление некоторых биологических процессов.

Она мечтала о Ромке как о предмете интимного обожания, представляя, как должно происходить слияние их юных

тел, грезила объятиями и поцелуями, причём в качестве партнёра не могла вообразить никого, кроме него.

Знания её по части любовных наслаждений были незначительны, фрагментарны, фантазии отличались искренней детской наивностью.

В области любви, романтизма, влечения и близости её информировали подруги, которым посчастливилось в их юные годы сорвать недозрелые плоды преждевременного взросления.

Было ли то, о чём они со знанием дела повествовали, на самом деле, или явилось к ним в воспалённом бурлении интимных соков воображении, проверить невозможно.

Хвастовства хватало.

Юные нимфетки делали большие круглые глаза, как в мультфильме про Настеньку, нарочито горделиво надували щёки, растягивали губы слоником, отчаянно сопровождая повествование неопределёнными, но весьма пикантными жестами и вибрирующими звуками, видимо изображая крайнюю степень чувственного удовлетворения от изысканно соблазнительного процесса.

Из словесных характеристик любовных упражнений Ася поняла, что это можно выразить как упоительно трепетный

восторг, как плавное парение в восходящем потоке эйфории, как шикарный букет разноцветных эмоций, от которого ума можно лишиться, настолько это чертовски вкусно.

Букет и восторг от слияния интересовали юную мечтательницу отчего-то больше прочего, несмотря на то, что ей ещё не были освоены даже робкие поцелуи. Рассказчицы, скорее всего сами не понимали, о чём ведут речь. Общение на тему любви в нежном возрасте больше похоже на игру в испорченный телефон.

Тем не менее, воображение было запущено на полную мощность. Девочка, воспитанная на кукольных декорациях, мечтала о любви, о семье, и конечно о детях. Для своего сладкого пестика девочка выбрала лучшую из тычинок, опираясь при этом на искажённые детским восприятием знания, почёрпнутые из перевернутых с ног на голову рассуждений юных мечтательниц.

Как член школьного комитета Ася организовала тематическую встречу с местным поэтом, после которой намечалась танцевальная вечеринка. Присутствие всех старшеклассников обязательно.

Дальше дело техники: вечеринка началась с белого танца.

Ромка моментально угодил в западню. Девушка прижала

партнёра к страстному торсу и не отпускала до конца вечеринки.

Будущее светило от математики хотело было воспользоваться привычной тактикой. Роман отдал в самом начале танца Асе ногу. Но девушка не сдалась, вытерпела циничное членовредительство, причём дважды.

Ромка, конечно, устыдился намеренности грубых действий, но терпеть над собой насилие девчонки не имел желания.

Танцевали молча.

Ася то и дело предпринимала жёсткие интимные атаки: клала голову ему на плечо, прижималась предельно тесно, намеренно тыча в парня малюсенькой, но уже упругой грудью, тёрлась о его лицо бархатной щекой, щекотала пальцем ладонь, дышала юной свежестью, подкреплённой мятными холодками, прямо в ухо.

Ромка был в отчаянии.

Не сказать, что девчонка ему совсем не нравилась. Она была хороша собой, духовита, вызывала некое внутренне, очень волнующее шевеление, даже подняла невольно его рейтинг, существования которого в данном контексте он прежде не замечал, но вся эта сопливая романтика не входила в грандиозные планы реализации выверенных годами упорных упражнений в области точных наук жизненных

стратегий.

Любовь и интимные игры в намеченную линию судьбы никак не вписывались.

Он мечтал поступить в институт, выучиться на программиста. А сейчас Роман писал компьютерную программу, которая занимала все мысли.

А тут эта скороспелка с непонятными соблазнами. Совсем некстати.

Юноша воспринял попытки Аси навязать своё общество, принуждение к близости в танце как серьёзную проблему, которая способна разрушить обжитой, весьма уютный мир.

Правда, организм парня был с этим не согласен, посылая сигналы, противоположные его авторитетному личному мнению.

Тело бунтовало, выражая протест за протестом ритмичными, довольно мощными всплесками эмоций, наполняя отдельные сосуды чрезмерным избытком крови, а мысли ошеломляющими впечатлениями, эффект которых вызывал головокружение и гравитационные аномалии, проявленные в желании прикоснуться к её коже губами.

Ася мгновенно уловила возбуждение партнёра, даже потрогала его тайком (девочки предупреждали о возможности подобной реакции), что вызвало на Ромкином лице бу-

рю противоречивых переживаний, которые он ловко закамouflировал под негодование.

После танцев, как ни отнекивался, пришлось провожать девочку.

Подружка уверенно держала его за руку, что оказалось невыносимо приятным.

Её ладошка была горяча, прикосновение притягивало неодолимым соблазном.

Ромка мельком подумал о некоем продолжении знакомства на грубом физическом уровне, вспомнил, как велик был соблазн дотронуться до щеки или шеи губами, как сладко заныло от этой мысли везде-везде.

Фантазия была мимолётной, как некий недостижимый, но весьма искушающий бонус.

Внутреннее напряжение намекало – пора действовать. Ромка не знал, как именно.

Вот так попал!

Аська затащила его в подъезд и сходу присосалась к губам, неловко сопя и задыхаясь, но в итоге получилось очень здорово.

Сладострастное возбуждение и неожиданный вкус поце-

луя едва не заставили Асю скакать от радости, что она никак не могла себе позволить.

“Не девочка всё же, – подумала она, – то есть совсем наоборот, конечно, но выражать радость так явно не очень прилично. Мало ли что может этот Ромка вообразить!”

– Ну, ты и ловелас, – прошептала девочка с явным восторгом в зачарованном волнующим событием голосе, – не успел познакомиться и сразу целоваться лезешь, – хотя сама являлась инициатором.

– Кто тебя научил... наверно до меня у тебя куча девчонок была, сознавайся!

Ромке было обидно, ведь она сама.

С другой стороны, поцелуй с девочкой, за которой пытаются ухаживать чуть ли не половина одноклассников – это реальный сектор приза.

Юноша был горд собой.

Ромкина самооценка моментально взлетела на недостижимую высоту. Мальчишка сделал вид, что это вполне привычная процедура и звучно чмокнул Асю в губки. Затем прижал, нагло положив руку на грудь, притиснул спелое яблоч-

ко, ощутив при этом гулкое биение сердца, необыкновенный прилив желания, сил, и осмелел вконец.

Можно. Теперь всё можно!

О том, чем он был озабочен ещё недавно, думать не хотелось. Сознание вслед за сердцем выпрыгивало из груди.

Мозг пылал, плавился. В этот миг он не мог думать о чём-то ином, кроме Аси и удивительной реакции на её прикосновения. Новые реалии требовали индивидуального обхождения.

– Да она же красавица, – неожиданно осознал Ромка. Почему раньше она такой не была!

Подобного совершенства прежде ему не доводилось лицезреть, тем более дотрагиваться, причём губами.

Утром Ромку у подъезда встречала Ася.

На следующий день тоже.

В школе они теперь сидели вместе. На переменах удалялись к дальнему окну шептаться. Вечера проводили в парке и на озере, стараясь уединиться при каждом удобном случае.

Ася говорила, говорила, говорила, с явным воодушевлением, которое вдохновляло, заражало энтузиазмом.

Девочка была прекрасна, мила, желанна.

Ромка обнимал и целовал, опять обнимал и снова целовал. Не произнося ни единого слова. Он был очарован, восхищён. Чем именно – не имело решающего значения.

Вкусы юного гения мгновенно поменяли ориентиры. Теперь Ромка был увлечён только Асей.

Разговоры девушка вела всё больше о любви. Сначала намекала на возможную близость, потом подталкивала к ней.

Ромке было страшно отправляться в новое измерение. Он знал из исследовательской практики, что ни в коем случае нельзя переходить на новый уровень, пока до мельчайших деталей не освоены предыдущий. Ошибки при спешке неизбежны.

Восторг очаровательных открытий, достаточный для того, чтобы в достигаемых пределах медленно, но верно сходить с ума от избытка эмоций, и без того не позволял ровно дышать.

Слишком хорошо – тоже плохо. Что удивительно волшебное таится в простых, по сути, действиях, почему прикосновения и поцелуи заставляют парить в облаках дивных грёз?

Асю его упрямство не останавливало, она настойчиво объ-

ясняла, что секс – это нормально, естественно, и очень просто, – девочки рассказывали...

Короче, плела несусветную чушь про неопиcуемый восторг, про удивительное парение в цветных облаках, про вообще непонятный букет эмоций.

Ромка слышал сбивчивое, чересчур страстное повествование, некий странный сюжетный ряд, убеждающий его в необходимости немедленно съесть наливное яблочко любви, пока оно не презрело, наверно в сотый раз, но держался из последних сил.

Заходить так далеко на неизвестную территорию до тех пор, пока нет для того объективных предпосылок и соответствующий знаний, считал он, преждевременно и опасно.

Другое дело страстные поцелуи, тесные объятия, от которых дух захватывает. Процесс предельно понятный, неожиданностей не таит.

Однажды Ася сказала, что отправила родителей на концерт, что их не будет как минимум три часа.

– Можно успеть... посмотреть и потрогать всё-всё. Ну, или хотя бы попробовать. Понимаешь, не верю я, что все девочки врут. Хочу убедиться сама. Ну, пожалуйста, Ромик!

– Аська, ты сумасшедшая. Во-первых, мне страшно даже

думать об этом, во вторых – я не умею. Сначала нужно подготовиться, прочитать хотя бы у авторитетных авторов, чтобы не наломать дров. Пойми Асенька, нам некуда спешить. Давай лучше целоваться.

– Подумаешь, нашёл отговорку, я тоже не умею. Ничего, научимся, не боги горшки обжигают. Девчонок, между прочим, никто не консультировал, наверняка они тоже боялись. Под лежащий камень вода не течёт. Побежали скорее. Время пошло.

Друзья стремглав помчались домой.

У Ромки стучал кувалдами по мозгам сигнал “Аларм”. Он был ошеломлён, напуган.

– Как же так, почему я иду у Аськи на поводу, а если нас застукают!

Аська моментально выпрыгнула из платья, швырком отбросила туфли, немного повозилась с колготками, сорвала одним резким движением бюстик и предстала перед неподготовленным для подобного зрелища парнем... в ажурных, полностью прозрачных малюсеньких трусиках, сквозь которые было видно такое!

Ромкина челюсть вывалилась на пол, во всяком случае,

так ему показалось.

Он стоял и дрожал как осиновый лист, не в силах сдвинуться с места.

Ася даже не закрывалась.

Ромка видел всё-всё, каждую выразительную деталь, совсем не такие, как себе представлял.

Малюсенькие груди с торчащими тёмными сосочками, гладкий животик, тёмный треугольник внизу, славные округлости, тонюсенькая талия, которую так хотелось обхватить ладонями.

У Ромки закружилась голова, изо рта потекли слюни. Добронувшись пальцем до её соска, он моментально вспотел.

“Аська! Боже мой! Она моя, вся-вся моя... и там тоже!”

Впрочем, что находилось там, он даже не представлял. Разве что на картинке однажды видел, но не очень отчётливо.

Девушка с негодованием посмотрела на растерявшегося Ромку, начала и с него сдёргивать одежду.

Задача оказалась не такой простой, как представлялось.

Мужские вещи застегивались и одевались совсем неправильно с женской точки зрения.

Однако она справилась.

Свои трусики Ася сбросила заранее, экономя время. С Ромки стянула исподнее у постели, зардевшись от созерцания желанного, но весьма загадочного явления, похожего на сморщенную сосиску.

“Вот это оно и есть? Бр-р-р!”

Не такое она мечтала увидеть. Совсем не такое.

Своя кровать показалась Аське маленькой для задуманных действий, негде развернуться.

Девочка постелила простыню на родительской двуспальной постели, где достаточно места, чтобы совершить долгожданное таинство.

Ромка стоял истуканом. Пришлось ронять его на кровать как ваньку встаньку.

“Совсем телок... что же это такое!”

Ася внимательно посмотрела на приспособление, которое сейчас ей предстояло опробовать. “Ничего впечатляющего.

А рассказывали-то! Никому нельзя верить”.

– Ладно, разберёмся по ходу пьесы, – подумала она, и побежала выключать свет, сверкая аппетитными ягодицами.

Мальчишка дрожал всем телом, опасаясь за собственные способности. Он даже плавать не умел, а тут нырять нужно. И сказать стыдно – Аська засмеёт.

Ну и чёрт с ним, наконец, решился парень. Некогда разводить сантименты. Исследовательский зуд постепенно захватывал и его сознание.

Время подстёгивало, заставляло торопиться с задуманным, а главный герой испугался, практически спрятался.

– Да вставай же ты, скорее, лентяй, чего развалился, – негодовала девочка, которой подробно описали процедуру извлечения блаженства.

Аська принялась реанимировать то, чему надлежало иметь твёрдость характера, но оно сопротивлялось, не желая наполняться желанием.

– Ну, наконец-то, – через некоторое время закричала она, ощутив вожделённую плотность и желанный объём.

– Ого! Именно про такое мне и рассказывали. Да не лежи ты как пень. Действуй. Делай же, что-нибудь, Ромка, мужчина ты или нет! Я сейчас заплачу. Я что, всё сама должна делать?

Аська легла на спину, раскинув ноги, но не отпустила то, что должно было принести восторг и обеспечить парение.

Ромка забрался меж её ног, встал на колени и опять застыл. Было до жути страшно.

– Ну, же, он должен быть там.

– Где именно?

– Вот сюда пихай, – девушка взяла его руку, раскрыла что-то внизу и направила во влажную тесноту Ромкин палец.

Ромка отдернул его, поднёс к носу, понюхал, затем лизнул... его передёрнуло. Но природа не отступала, рептильный мозг, ответственный за размножение, туго знает своё дело. Сигнал атаки разошёлся по железам внутренней секреции, наполнил кровь витаминами страсти.

Процесс был запущен, его ничем уже невозможно было остановить.

Юноша залез рукой во влажное нечто и чуть не потерял сознание. Оно было живое, скользкое и очень упругое.

Неведомая глубина манила, требовала наполнения. Как в неё войти было неведомо.

Аська заметно нервничала, с ужасом глядела на начало стыковочного процесса, но готова была на всё.

Ромка напрягся, потрогал своё, мужское. Оно было твёрдым, уверенным в себе, ждало начала активных боевых действий.

Попробуй не уступить такому напору. Природа сама заявила о желании.

Оказалось, всё предельно просто.

Ромка откуда-то всё знал, только забыл.

Юноша направил вздущееся животное в нетерпеливо ожидающую сюрприз бездну.

Вожделённая, зовущая влажная глубина оказалась неприступно плотной. Он уткнулся в упругую преграду, слегка помог пальцем, продвинулся ещё чуточку.

Напряжение внизу живота росло, разрывало тело на части. Ещё немного и внутри что-то лопнет.

Рычаг сопротивлялся, не желая открывать дверь в непо-

нятное.

Юноша надавил всем телом и разом провалился до самого основания.

Аська охнула, конвульсивно дёрнулась, но смолчала, хотя по лицу было видно, что ей очень больно.

Непреодолимо захотелось двигаться.

Ромка уже не мог сопротивляться желанию проникнуть внутрь девичьей тайны целиком, заработал тазом, вгоня поршень быстрее, глубже.

Сделать он успел не более пяти движений. Девушка охнула, выгнулась дугой, поджала под себя ноги, легко переместив ступни на Ромкину грудь, и с усилием толкнула его.

Ромка моментально оказался на полу, грохнулся головой о край журнального стола, очень больно.

Женилка тем временем продолжала по инерции поступательное движение, исторгая из чрева липкое содержимое энергичными толчками.

Семя под внутренним давлением ринулось прочь, вызвав конвульсии и невыносимо приятные ощущения.

Ромка застонал, одновременно от боли и сладострастия.

Аська закричала, вскочила с постели, моментально включила свет.

Бёдра блестели потёками алой крови.

Ромке подруга казалась прелестной феей, но злой как фурия.

Первое, что девушка сделала – засветила Ромке пятернёй наотмашь по физиономии, так, что у него загудело в голове.

– Идиот, мне же было больно, – кричала она, внимательно разглядывая мокрую серединку, силясь понять, что с ней сотворил этот недотёпа.

Ромка, глядя на рваную рану между ног подруги, вспомнил про букет эмоций, о котором Аська мечтала, за который, похоже, только что он получил по мордасам.

Взгляд девушки упал на белый персидский ковёр, привезённый родителями из-за границы. На нём блестели густые струи мужского секрета.

Ася застонала, сжала кулачки и зло посмотрела на обидчика.

До прихода родителей осталось меньше часа.

Малюсенькая, в несколько капелек лужица крови на простыне и родительском покрывале ввергли её в шок, заставили не на шутку разреветься.

Это была катастрофа.

– Настоящий восторг и парение обеспечены, – злорадно подумала она, принявшись за безуспешную попытку ликвидировать "следы преступления".

Не тут-то было.

С простыней оказалось просто. Застирали, высушили утюгом и всё.

Покрывало замыли порошком и тоже погладили. Почти нормально, если не приглядываться.

Ковёр не поддавался реанимации.

Аська гольшом стояла на коленях и оттирала с остервенением то, чего там быть не должно.

Острые грудки потешно, весьма эротично болтались из стороны в сторону.

Ромке ужасно хотелось их потрогать при свете, чтобы кое-чего понять.

Ещё бы, эти холмики не просто божественны, они настоящее произведение искусства.

Набухшие губки между ног манили Ромку с неодолимо мощным желанием, которое вдруг проснулась.

Вновь заработавший интимный компас настойчиво заявил о себе, не желая признавать аргументы, предлагающие отказаться от повторения процедуры.

Устоять против властного веления природы было невозможно.

Ромка подполз к Аське сзади, прижался к выпуклой, такой родной теперь попке, и с силой вогнал инструмент в самую сердцевину, не помогая на этот раз руками. Да так ловко, словно тренировался не один месяц.

Аська прогнулась, ойкнула, застыла на мгновение, но немедленно выскочила из-под него и принялась хлестать по лицу мокрой тряпкой.

Била и ревела, ревела и била.

Наконец, им удалось успокоиться, одеться, и закончить с уборкой.

Если не вглядываться специально, почти всё в порядке, как было.

Асина истерика немного улеглась. Она стала почти прежней. А время-то ещё есть. Мало, но есть.

– Давай повторим, – прошептала она вдруг, и улеглась, на этот раз на свою кровать.

– Наверно я сама чего-то неправильно сделала. Нужно попробовать исправить. Не было букета, понимаешь... не было! Девочки говорили – должен быть.

Ромка запрыгнул на подружку, сторая от желания, но с ужасом понял, что ничего, совсем ничего не получится, потому, что его герой трусливо спрятался, и не желает вылезать из укромного убежища.

Наверно обиделся на недавние грубые действия подруги.

Как ни старалась девушка исправить положение, продолжения не последовало.

Ася опять разревелась, потом заорала как ненормальная, что он насильник, импотент и вообще придурок. В одном лице.

Короче, выгнала так и не получив долгожданные бонусы:

восторг, парение и букет эмоций остались на сегодняшний день желанием и фантазией.

Через несколько дней Аська снова затащила его в постель. Но тщетно. Видно Ромка подсознательно ожидал получить букетом эмоций по физиономии.

У каждого ведь свои фантазии и тараканы в голове.

А Ромка... Ромка до тридцати лет ни разу не влюбился.

Не поверите... пока вновь не встретил повзрослевшую уже Аську, которая к тому времени дважды побывала замужем, и столько же раз развелась.

Ромка, однако, был лучшим из всех. Она всегда это знала. Только ей было жутко стыдно за тот нелепый день.

В мечтах она любила его даже тогда, когда спала со своими мужьями.

И дело было совсем не в сексе. Оказалось, что это была настоящая любовь, хотя началась она довольно нелепо.

Уговаривал же её Ромик не торопиться. Не послушала.

Медовый месяц длился у них больше года. А счастливая

семейная жизнь продолжается до сих пор.

Вот почему прекрасное не вечно

*Наступай судьбе на пятки – или плюнь и отвернись,
проходи в любом порядке: хочешь вверх, а хочешь вниз,
от квадрата до петита, от симфонии до нот –
жизнь отличный репетитор, только дорого берёт.*

*Проверяй её законы: может, сотый бутерброд –
ну, хотя бы миллионный – так, как надо, упадёт;
и домчит нескорый поезд в пресловутый город N,
где живут не беспокоясь и не ищут перемен.*

Анна Полетаева

Обычно Веронике Витальевне в жизни везло: как задумает – так и случается за редким исключением. Возможно оттого, что фантазии и желания девушка умела выстраивать в чёткие логические цепочки, аргументировано обосновывать стратегии их исполнения, структурировать и выбирать приоритетное направление посильных действий.

Папа научил отделять насущные потребности и благие це-

ли от неуёмных восторгов, от мимолётных прихотей и навязчивых влечений, которые заставляют делать непростительные глупости, за которые впоследствии приходится дорого платить.

Вероника Витальевна безжалостно отсекала страстные хотелки и коварные обольщения, сотканые из возбуждения и эмоций. Любые немотивированные побуждения легко укротить, стоит лишь сосредоточиться, подумать, или напротив, отвлечься, чтобы заземлить импульс сладкоголосого соблазна.

Умеренные потребности, сдержанный темперамент и творческий потенциал позволяли женщине неизменно обитать на территории безопасности и уютного комфорта даже в довольно сложных обстоятельствах.

Но и она иногда теряла равновесие.

Когда случались минуты скверного или мерзопакостного настроения, обычно пропадало желание с кем-нибудь общаться, видеть довольные и счастливые лица: появлялось стремление затеряться, спрятаться, стать незаметной, невидимой.

Вероника выходила на улицу, бесцельно слонялась по вечернему или ночному городу, заглядывала в чужие освещённые окна, за которыми кипит или теплится непостижимая чужая жизнь: неизвестная, недостижимая, сокровенная, тайная.

События по ту сторону окон можно запросто раскрасить

в любой технике воображаемой сюжетной интригой. Чем ей хуже, тем ярче и насыщеннее краски вымышленных историй.

Чаще хотелось, чтобы обитатели аквариумов были счастливы, чтобы каждому была отпущена толика удачи: беспечного благополучия, безмятежной радости, вдохновения, поклонения, восторгов. Да мало ли чего дарует нам жизнь, похожая на июльский полдень, заполненный цветочными ароматами лесной лужайки, ярким солнечным светом и загадочным движением, или время, разукрашенное причудливыми радостями наивной, но пылкой любви.

Как истинный художник Вероника Витальевна сплетала затейливые узоры из вымышленных судеб, в каждой из которых вкладывала частичку себя, чем и растворяла вакуум безысходности.

Ещё одним проверенным, эффективным способом отрезвления от страстей, Вероника считала бесцельное блуждание по территориям дорогих универмагов: глаза разбегаются, хочется всего и много, а денег хватает лишь на то, чтобы устав от созерцания посидеть в баре с порцией расслабляющего коктейля.

Смотреть на покупательниц с горящими глазами, упивающихся возможностью чем-нибудь таким эксклюзивным завладеть, чтобы с помощью инъекции гипнотической эйфории раскрасить неприглядную обыденность, довольно забавно.

Бессмысленная суета озабоченных приобретением эфемерного счастья неуёмных гламурных тел успокаивает изрядно: ведь она в данной ситуации лишь бесстрастный зритель.

Вероника Витальевна чуть больше года замужем за Максимом Аникиным, присутствие которого даже на расстоянии возбуждает её так, что от взгляда или мысли о нём становится жарко и мокро. Любовь это или нечто иное, неважно.

С ним всегда хорошо.

Было. До сих пор.

В последнее время что-то пошло неправильно: мужу стало вечно некогда, хотя семейные и профессиональные обстоятельства оставались неизменными: стабильными и весьма благоприятными для поддержания жаркого огня в очаге любви.

Он вдруг начал проявлять равнодушие к интимному общению, к душевным доверительным беседам, тёплым семейным посиделкам вечерами. Даже к объятиям и ласкам потерял интерес. Более того – стал пассивным в организации быта, но придирчивым и циничным ко всему подряд.

Нет, Вероника не ревнует, просто обидно испытывать горечь и боль одиночества, когда жизнь вокруг бьёт ключом, когда любую проблему прежде без труда решали вовремя произнесённое доброе слово, трепетное интимное прикосновение, искренняя улыбка, нежный взгляд и увлекательная интимная возня под одеялом.

Пробовала втянуть в привычные ритуалы – не помогает: милый дуется, шипит, но назвать причину настороженной изоляции отказывается.

Она вот всегда находит время для мужа. Потому что любит. А он!

Вероника хорошо осведомлена о своих достоинствах. Без всякого сомнения, она прехорошенькая. Есть на что с наслаждением посмотреть: естественно-яркие, словно выкрашенные, пухлые губки, насыщенный васильковый цвет глаз, в зависимости от настроения и освещения переходящий в изысканную гамму аквамариновых оттенков, соблазнительно вздыбленная изумительной формы налитая грудь, лебединая шея.

Восхищённые взгляды мужчин говорят сами за себя: ах как хочется им это роскошное великолепие внимательно разглядеть, ещё лучше обследовать на ощупь.

А ядрёные, с аппетитной выпуклостью ягодицы, а покрытые первородным пухом щёчки с пикантными ямочками, украшающими и без того очаровательную улыбку; густые брови вразлёт, кокетливо изогнутые ресницы, просвечивающие насквозь крохотные ушки, кукольные, с аккуратными ноготками музыкальные пальчики.

Эти и прочие интимного характера наживки анонимно сигналият о скрытой сексуальности, потому неизменно действовали на Максима безотказно, блокируя функции основного мозга, чтобы усилить давление в резервном хранилище

жизненной энергии, ответственном за возбуждение и влечение.

Только не теперь. Не правда ли странно, почему так вдруг? Должна же быть причина!

Вероника задумчиво прикусывала губки, смакуя слабоалкогольный напиток за стойкой бара с приглушённым светом под акустические вибрации мелодичного вокала. Мысли заняты созданием конструктивного диалога с мужем и отвлекающими от этого процесса приятными и не очень ассоциациями.

Чем-то наверняка его можно пронять или успокоить. Молчать нельзя, даже опасно. Можно накрутить себя, озадачить его, в итоге отдалиться на недоступное для доверительных отношений расстояние.

Как выяснить в чём причина отчуждения, как преодолеть необъяснимый, безосновательный кризис отношений?

В памяти невольно всплывали особенно впечатляющие интимные моменты, когда избыток счастья казался бесконечным.

Первый поцелуй и признание в любви само собой были эталоном, вершиной романтических отношений, но ведь было и другое.

С особой теплотой Вероника вспоминала, как, распаяя друг друга, радостно кидались подушками, прежде чем забраться под одеяло для окончательного, предельно открытого выяснения отношений, как часами отмокали в осты-

вающей ванной, лёжа друг на друге. Как чувственно и нежно задирали друг друга, жаря гольшом яичницу, как на глазах у всех в прозрачной морской воде исполняли откровенно бесстыдный танец любви, делая вид, что просто обнимаются.

– Можно тебя угостить, – резко, слишком фамильярно спросил новый посетитель, одетый небрежно, но модно, – не люблю скучать в одиночестве.

Отвечать грубо не было желания, знакомиться, создавать позитивное или гнетущее впечатление – тем более.

Вероника указала наглицу на стакан с напитком, продемонстрировала окольцованный палец и выставила психологическую защиту в виде жеста, означающего одновременно отрицание и равнодушие, но пытливый взгляд на его интригующем облике задержала несколько дольше, чем требовалось для бесстрастного оценочного суждения.

Атлетическая фигура, ухоженные пальцы, властные жесты, привлекательная небритость, волевые, со скульптурной пластикой черты лица.

Глаза. Он умудрялся улыбаться и одновременно выражать восхищение одними глазами, оставляя неподвижной мимику.

– Зря. Я же вижу – тебе грустно, даже намного хуже: ищешь выход, сканируешь варианты реализации противодействия от ноющей боли... но тщетно. В базе данных собственного интеллекта аналогов нет. Логике и рассудку не на что опереться. Поведение любимого иррационально, непости-

жимо, более того – глупо. Могу предположить – он ведёт себя непредсказуемо, необъяснимо, на контакт не идёт. Понимаю. У кого угодно снесёт крышу, когда теряешь контроль над ситуацией. Первое, что приходит в голову – соперница. Но нет, от таких женщин не гуляют. В тебе есть некая загадочная чертовщинка, экзотическая изюминка. Это важно.

– Оставьте меня в покое. В услугах экстрасенса и психолога не нуждаюсь. У меня всё замечательно. Наверно погода преподносит сюрпризы. Влажность, давление. К тому же устала.

– В последнее охотно верю. Честное слово верю. Плохое настроение и навязчивые мысли, словно пылесосом вытягивают энергию. Идём со мной. Есть замечательная идея. Не пожалеешь.

– Чего, куда!

– Ко мне, чудачка. Буду тебя лечить. Для начала хочу написать твой портрет. Зеркала врут, живопись никогда. Возможно разгадка меланхолии в тебе самой. Увидеть её может лишь посторонний. Будешь позировать. Пять-шесть сеансов... по два часа. Оригинальный холст тебе, копия моя. Таковы условия сделки. Ну же! Жду в автомобиле у входа. Моргну фарами, чтобы не ошиблась. Игорь. Игорь Сумароков. Ты необычная. И очень... очень-очень привлекательная. Уныние тебе не к лицу. Жизнь прекрасна... любая.

Объяснить себе, почему безропотно подчинилась, зачем поспешила на выход, села в салон автомобиля хамоватого

незнакомца, Вероника Витальевна не могла.

Что-то неведомое, властное, заставило поступиться наработанными принципами, игнорировать осторожность и интуицию.

Возможно, виной тому пресловутое женское любопытство. Нет необходимости выдумывать очередную пикантную историю, заглядывать за шторы, чтобы вновь обрести равновесие. Этот самоуверенный мужчина вселяет странного характера оптимизм, словно взрослый, который всё умеет и всё знает.

Сумароков не соблазнял, не очаровывал, не возбуждал, даже понравиться не стремился.

“Идём со мной. Что значит, идём! Почему идём, зачем! Может в коктейль что-то стимулирующее чувственность и азарт подсыпали, с барменом заранее сговорились?”

Откуда вдруг взялась эта невероятная эйфория, восхитительный лихорадочный трепет, предвкушение чего-то удивительного, если не сказать волшебного, интригующая вовлечённость в чужой, абсолютно непонятный, возможно даже бессовестно дерзкий или невероятно опасный замысел?

– Приехали, фея. Здесь моя скромная обитель. Вон там, на самом верху, под крышей, с которой открывается вид на фантастически увлекательный городской пейзаж. Созерцанием панорамы будем наслаждаться потом, не сегодня. Сначала необходимо выяснить причину дефицита внимания к твоей обаятельной персоне супруга, который создаёт про-

блемы общения, определить эскиз темперамента, особенностей характера, чтобы понять, как ты докатилась до жизни такой.

Вероника зачарованно наблюдала за плавными движениями незнакомца, за его удивительно подвижной мимикой. Голос Игоря невольно будил чувственность. Он что-то заумное пояснял на непонятном простому обывателю языке.

Зачарованная загадочностью момента женщина не воспринимала непосредственно речь, только интонации, голос и удивительную энергетику диковинных фраз.

Веронику влекли детали иного свойства. Это наваждение, одержимость, морок?

Её интересовал не типаж, не облик, но впечатление в целом, необъяснимый локальный магнетизм. Женщина неосознанно, в автоматическом или мистическом режиме представила, как Игорь бесцеремонно срывает с неё покровы, как грубо бросает на постель, нагло обследует то, что до сих пор кроме Максима никому не было доступно, как мощно входит в вязкое жерло священного узилища.

Удивительным было то, что возникающие в воспалённом непонятно чем мозгу галлюцинации пикантных непристойностей вызывали выразительный чувственный отклик во всём теле, даже трепетный восторг, предвестник восхитительно сладкого блаженства.

Эмоционально насыщенное состояние было такой неожиданностью, таким приятным сюрпризом.

– Стоп, какие глупости, – предприняла женщина робкую попытку оградить себя от похотливых фантазий, однако безропотно загрузилась в лифт, мечтая, чтобы мужчина немедленно сотворил с ней что-нибудь этакое, о чём даже думать неприлично, – что я делаю, глупая!

Игорь уверенно нажал кнопку этажа, развернулся, медленно притянул Веронику к себе. Она опять подчинилась. Мало того, прикрыла глаза, покорно запрокинула голову, выгнулась навстречу требовательным губам, ожидая вполне определённых действий.

И не ошиблась.

Ладони Игоря сомкнулись на чувствительных лопатках, губы коснулись удивительно сладкой ложбинки на оголённом плече.

Нежная щека Вероники почувствовала жёсткую щетину, но от терпкого запаха (аромат мужского тела моментально включил на полную мощность дерзкое эротическое воображение) её до кончиков пальцев на ногах пронзила неудержимая чувственная дрожь, исключая малейшую возможность и желание сопротивляться.

Возможно, сказалось вынужденное воздержание весь последний месяц. Или было что-то ещё, предельно восхитительное, властное, требовательное, что оказалось гораздо сильнее супружеской верности.

Вероника плавилась, распалась на молекулы в ловких сильных руках, не ведающих стыда и запретов.

Страстные поцелуи, настойчивое вторжение пальцев в особую интимную зону, обжигающе восхитительные прикосновения там, внизу, где всё растекалось и плавилось, к чему-то до сумасшествия чувствительному.

Эйфорическое наслаждение от лёгких прикосновений стало для неё откровением. По благодарно отвечающему на ласки телу прокатились невыносимо приятные пульсирующие импульсы, несмотря на то, что до этого момента женщине невозможно было отказать в трезвости мышления и непоколебимой супружеской стойкости.

Прежде чем опуститься на дно нравственного падения, покуситься на собственное целомудрие, отказаться от супружеской невинности, необходимо хотя бы схематично смоделировать возможный финал, который может оказаться разным, в том числе катастрофическим.

Случайная связь – всегда риск, точнее, целый букет непредсказуемых издержек, среди которых неприличная болезнь и немедленный развод – ничтожно малая цена за неуместное, даже преступное интимное любопытство.

– Вот мы и дома. Расслабься. Добро пожаловать в рай! Душевая направо, первая дверь. Чистое полотенце в тумбочке под зеркалом, там же найдёшь простыню. Я на кухню. Чай, сок, вино, кофе?

Мысль о том, что за необдуманнные действия придётся платить, мелькнула, но не успела вызреть. Веронику трясло совсем не от страха: она сгорала в огне нескромных устрем-

лений, которые к незнакомому мужчине испытывала впервые.

Максиму, чтобы вызвать у неё безоговорочное желание покориться, понадобилось полгода интенсивных романтических усилий. Игорю на то же самое хватило полчаса.

И притом, не было хитроумных уловок, принуждения, настойчивых уговоров, сладких обещаний.

“Нужно срочно сбросить интимное напряжение, хотя бы попытаться протрезветь. Контрастный душ в самый раз, но оголяться в чужом доме, грезить под струёй воды, распалюющей страсть... ты ли это, Вероника Витальевна? Очнись!”

В ванной комнате с множеством зеркал почему-то не было запора. Женщина в полунаклоне тщательно вытирала изящную ступню, пластично отключив аппетитный во всех отношениях зад, когда Игорь невесомо положил предварительно согретые ладони немного выше – на узкую талию.

Вероника мечтала об этом, но всё равно вздрогнула от неожиданности, застыла с закрытыми глазами затаив дыхание, наслаждаясь нетерпеливым предвкушением новых, ещё более изысканных ощущений, чем испытанные в лифте, которых нисколько не стеснялась, словно Игорь уже имел законное право распоряжаться её трепетным телом.

Рука мужчины ловко скользнула между ног, по которым стекала ароматная пена для душа, осторожно отворила влажную раковину, вторая повторила ласкающим движением форму контура груди, нащупала и нежно смяла восстав-

ший моментально, весьма отзывчивый на чувственную нежность сосок.

Едва касаясь, Игорь нежно дотрагивался до податливого женского тела (Вероника едва сдерживалась, чтобы не закричать от нарастающего восторга), наливающегося совсем непонятным восхитительным глубинным ликованием.

Губы его жадно исследовали сокровенные интимные тайны, ответственные за наслаждение, которых оказалось довольно много (неужели Максиму не было до них дела, почему он до сих пор не озаботился обнаружить эти бесценные искушающие сокровища).

Вероника извивалась, едва сдерживая сладкие стоны и судорожные спазмы, приближающие неизбежный финал, – почему так быстро, хочу ещё, хочу попробовать всё, на что этот мужчина способен!

– Ты прелесть, Вероника! Постарайся подольше сохранить это удивительное состояние. Оно тебе пригодится. Мужу понравится твоё возбуждение. Хочу вживить эти волшебные эмоции в изображение страсти на холсте. Ты ещё не передумала позировать?

Женщина с укором посмотрела на Игоря, – ты серьёзно! Я думала... разве для этого мы здесь?

– Как же твой муж, любовь, верность? Вместо того чтобы помочь ему справиться с проблемой, хочешь создать несколько новых? Это, по крайней мере, нечестно. Ты же не изменяла ему никогда прежде. Стоит ли начинать?

– Откуда тебе знать про мою семейную жизнь! Хотя, возможно, ты прав. Тогда я, пожалуй, пойду, пока не наделала глупостей. Мне действительно необходимо серьёзно поговорить с Максом.

– Или расстаться навсегда. Зависит от его реакции. Разбитую чашку нет смысла реанимировать. На неё конечно можно смотреть, но функционально это абсолютно бесполезная вещь.

– А ты странный. Даже представить не можешь, чего добился, что сейчас творится у меня внутри и снаружи. Нелепое, абсурдное состояние. словно посмеялись надо мной прилюдно, словно сама совершила нечто ужасное, к тому же украла жизненно важный ресурс, принадлежащий любимому человеку, который особенно дорог. Хотелось бы мне знать правду – что со мной или с ним не так? Тебя тоже следовало бы вывернуть наизнанку. Кто ты такой, за что так цинично со мной обошёлся!?

– В мыслях не было доставить тебе неприятные ощущения.

– Зачем тогда соблазнял, искушал? Спорт такой, развлечение, аттракцион?

– Обычный тест на скрытую сексуальность. Поверь, мне тоже нелегко было остановиться. Завёлся так, что чуть не выпрыгнул из штанов. Прости! Я не хочу наставлять рога твоему мужчине. Пробовал заставить раскрыться, чтобы понять причину твоей и его депрессии. Увлёкся, потерялся,

слегка забылся. Этаким истовый морок. Поверь, много усилий для диагноза не потребовалось. Классическое несоответствие темпераментов. Вы никогда не очутитесь с мужем на одной комфортной волне. Целомудренная влюблённость, медовый месяц и гормональный восторг первого года семейной жизни не в счёт. Тогда его физиологический ресурс был неисчерпаем. Он ведь был девственником, верно? Гормональный шок, не имеющий отношения к любви. Это как игра в очко: кому выпадет двадцать одно – тому счастье. У тебя, например, сколько?

– Причём здесь, игра, очки. Разве ты психолог, дипломированный врач? Кто дал тебе право лезть в мою личную жизнь! Да и зачем?

– Тебе было плохо, я хотел понять причину, искренне желал помочь. Мужское эго – весьма ранимая оболочка души. Стоит мужчине лишь мельком усомниться в личном могуществе, как он мгновенно лишается силы. И да, я действительно врач, сексопатолог. Живопись – лишь увлечение, которое помогает создавать образы и находить изъяны психологических состояний.

– Не выдумывай. В тебе нет ничего волшебного. Макс то же самое делает гораздо лучше. Я мужа никогда не унижала. Не изводила придирками, не ставила под сомнение наличие исключительных мужских качеств, в том числе способность дарить наслаждение. Во всём... почти во всём, соглашалась.

– Стоп! Всё так: ты его уважаешь, любишь, только забыла

или не знала, что у вас с мужем слишком разные потенциалы интимного темперамента. Он... он, а не ты, устал. Устал физически и психически удовлетворять твою неуёмную эротическую жажду. Тебя в его жизни стало слишком много. Осведомлён, значит вооружён. Теперь семейное благополучие полностью в твоих руках. Разве эксперимент того не стоил? Тем более что тебе понравились мои ласки.

– Льстишь себе. Да, я была на взводе, можно сказать в состоянии аффекта, мечтала чего-то Максиму доказать. Ты воспользовался ситуацией. Разве не так? Нюансы нашей с мужем интимной жизни – сокровенная тайна. У меня на лице не написано – сколько, чего и когда нам с мужем надо. Максима ты никогда не видел. Где же на моём брэнном теле обнаружены письмена, где справка о состоянии его интимного здоровья?

– Этого не требуется. У тебя исключительно агрессивное либидо. Это нормально, когда потребности и возможности партнёров входят в резонанс. Тебе его внимания недостаточно, а ему твоей вулканической страсти слишком много. Он выдохся, иссяк, потому и бежит от тебя. Восстановится – всё войдёт в норму, поверь. А потом муж снова иссякнет и начнёт тебя сторониться.

– Допустим, чисто гипотетически, что ты прав. Делать-то что?

– Вариантов много. Основных два. Первый – без сожаления расстаться. Понимаю, принять радикальное решение

весьма непросто, тем более, что есть надежда на позитивный исход событий.

Второй – приспособиться, смириться с его ограниченной интимной функциональностью, заместить активный секс щадящими ласками и сублимацией в виде плодотворного творческого или интеллектуального увлечения, доведённого до состояния пламенной страсти.

Промежуточный выход – завести инкогнито темпераментного любовника. Скажу сразу – все три варианта нелепые, потому что в них нет места сентиментальной романтике, обожанию и искренности.

Расчётливый эгоизм есть, благочестивое лицемерие тоже присутствует, а чувства, уважения, доверия – нет. Разберись в себе, задай предельно откровенные вопросы ему. Добейся не менее прямых ответов. Пусть тоже приобщается, думает, как дальше строить совместную судьбу.

В тебе не просто чертовщинка, Вероника, в тебе свил гнездо целый табор озорных бесенят. Но именно они – источник уникальной привлекательности, кладезь неиссякаемых жизненных сил. Усмирять или нет агрессивную чувственность – вот неразрешимая проблема. Наступишь на горло сексуальности – потеряешь крылья. Пустишься во все тяжкие, лишишься опоры – спасительного семейного очага. Но выбирать придётся, иначе из цветущей женщины ты превратишься в неврастеничку.

И не забудь – ты обещала позировать.

– Ты... ты тоже кое-что обещал, вполне убедительно! Не словами: руки, губы. Я тебе поверила... и что! Воспользовался слабостью, завёл. Сiju теперь перед тобой в простыне, словно труженица сферы интимных услуг, обтекаю, выстраиваю удобоваримую логическую цепочку – дальше что: провокация, клевета, шантаж? Лучше бы изнасиловал. Вызови такси.

– Сам отвезу. Зря обиделась. Вот моя визитка. Жду вас с мужем для консультации. Если тебе станет от этого легче, готов признаться: самому не по себе оттого, что не довёл романтическое randevу до логического финиша.

До сих пор руки и внутренности трясутся. Был момент, когда понял – ты своего мужа действительно любишь. Если не срастётся, вероятность чего весьма велика – готов ждать. Такой кайф обломал, самому не верится. Я серьёзен как никогда. Готов поступиться личной свободой.

– Монолог похож на завуалированное обсуждение нашего общего будущего. С чего бы тогда не воспользоваться щекотливой ситуацией прямо сейчас? Меня даже завоёвывать не нужно.

– Любое решение, обусловленное гормональным шоком, мимолётным влечением – неверное. Надо переспать с мечтой, а не с химерой. Я обещал тебе помощь. Странно... кажется спасти теперь нужно не только тебя.

От любви до ненависти

Превратившись в сплошное крошево,

Нахлебавшись любви сполна,

Я простила тебя, хороший мой,

Я простила... Иди ты на...!

Любовь Козырь

Когда Даша на минутку заскочила к подруге, Варенька наматывала на кулак слёзы, размазывая их по опухшему лицу попеременно с чёрного цвета тушью. Выглядела она крайне непривлекательно, всем своим видом показывая состояние, если не трагедии, то сокрушительной драмы.

Что бы это могло быть! Дашино сердце застучало, часто-часто, сострадая и мучаясь, пока ещё неизвестно отчего. Она подскочила к Варе, взяла её рожицу, это выглядело именно так, двумя руками и принялась быстро-быстро, с нежностью целовать родное личико, слизывая слёзы.

Варенька лучшая подруга с раннего детства, когда они, держась за руки, вприпрыжку бежали в детский сад, радуясь возможности целый день быть рядом.

Конечно, в их жизни были и другие девочки и мальчики, но подобного родства интересов так и не случилось. Подружки не научились жить отдельно друг от друга.

Варя пыталась совладать со своими чувствами, которые выплеснулись совсем не вовремя. Они вовсе не предназначались для Даши. Точнее, она вообще не должна была знать о переживаниях, которые предполагали ужасные последствия.

Произошло страшное. Дашин муж, Витька, изменял. Мало того, поставил это право себе в заслугу.

Когда началась эта дружба, никто и вспомнить не может. Возможно, была всегда.

Во всяком случае, девочки не помнят, когда не знали друг друга. Их дружба была тотальной и безоговорочной. Её поддерживали даже родители, позволяя девочкам быть вместе и рядом, постоянно.

Если одну из них везли на дачу или в парк, то брали и другую. Нередко, они и ночевали вместе, оставаясь, то в одной квартире, то в другой. Любимой забавой у них было совместное купание в горячей ванной. Девчата наваливали на поверхность воды плавающие игрушки и устраивали морские

бои с утятами и дельфинчиками.

Это было замечательно, весело.

Девочки росли и развивались, меняясь наружно и внутренне, однако, привязанности своей не утратили, считая дружбу кровным родством. Зачастую они и представлялись сёстрами. Даже одежду старались носить одинаковую, как близнецы.

Костюмчики и платица шила соседка, подружка Вариной мамы, тетя Лена Герасимова. Она была хорошей портниха и большой выдумщицей. Подруги всегда были одеты оригинальнее всех в классе и во дворе.

В комнату нахально и весело врывалось солнце, требуя для проказ пространства и времени, немилосердно раскаляя объём квартиры, заставляя танцевать и искриться каждую пылинку. Громко и протяжно играла медитативная музыка. Группа Enigma старательно выводила мелодию Mea Culpa.

В другое время эти божественные тягучие звуки вызывали бы чувство эйфории, а сегодня давали повод лишь расслабиться внутренне, позволяя непрошеным слезам, стекать горошинами.

Варенька словно обмывала потоком солёной влаги ранимую душу, по которой пробежались в грязной обуви, оставив безобразные следы.

Да, да... в этом есть и её вина. Хотела как лучше, а вышло как всегда, очень нелепо.

И ничего уже не исправить.

Она сильная. Ради дружбы способна на многое, если не на всё, но предательство, измена, это чересчур.

Витька, Дашенькин муж... она ведь для него всё что угодно готова сделать, а он... такая чёрная неблагодарность.

Впрочем, Варенька не считала произошедшее лично с ней событие изменой. Это была скорее плата за дружбу и близость к подруге, в некотором смысле услуга.

Витька тогда страдал. Мучился физически и психически. Изнывал от интимной неудовлетворенности, когда беременная Дашенька лежала в клинике с жутким токсикозом.

Время шло, подругу не выписывали, а Витька бесился. В то время он не был избалован вниманием женщин, но успел познать плюсы регулярного семейного секса.

Варя видела, как плотоядно глядел он на каждую девушку, попадающую в поле зрения, раздевая её, совершая мысленное совокупление.

Дедукция подсказала выход, если это так можно назвать, чтобы Дашенькин муж не побежал налево.

Ведь они самые-самые близкие. У них всегда всё было общее.

И вот теперь подруга обнимает её, успокаивает... а должно быть совсем наоборот. Это Дашеньку стоит пожалеть. Это её предали в первую очередь, ей изменили. Грубо, исподтишка. У них же семья, дочка, любовь.

Любовь, к кому, к чему!

И главное, с кем изменил... да ещё, чувствуя полную безнаказанность, признался, что подобное вероломство успело войти в привычку, стало обыденным.

Он, видите ли, начал скучать от употребления каждый день одного и того же чёрствого хлеба.

Это его слова. Разнообразие ему захотелось. Интересно, когда это началось? Неужели с неё, с Вареньки?

С годами отношения между девочками приобретали иные контуры. Не подумайте о непристойном поведении, этого у них и в мыслях не было. Просто отдельную жизнь они и вовсе теперь не воспринимали, расставаясь лишь ночью, да и то не всегда.

Случалось им спать и вместе. И с мальчишками они гуляли, не расставаясь. Даже влюбились в одного и того же.

И первая любовь тоже была общей.

Их кумиром был рыжий коренастый спортсмен из соседней школы, Артур Сокольников, с которым они познакомились на сборах, когда тренировались для участия в соревнованиях по плаванию.

Мальчишка был не из числа маменькиных сынков, но очень принципиальный. Целоваться с обеими отказался наотрез, требовал от девчонок сделать выбор.

Артур признавался, что нравятся обе, но раздваиваться не желал. Готов всей душой полюбить только одну. Вторая должна смириться с этим и освободить пространство, точнее исчезнуть, дав возможность, общаться лишь двоим.

Девочки долго думали и расстались с этим кавалером, так и не научившись целоваться. Впрочем, они об этом не силь-

но переживали, удовлетворяясь до поры общением между собой.

Однако время шло и неясное томление, плюс обыкновенное любопытство, заставляющее искать дружбы с мальчиками, трансформировалось в нечто более чувственное.

Стихи о любви, книжки и беседы перестали удовлетворять некие скрытые потребности подружек.

Мальчики стали вызывать неведомые прежде, сильные, влекущие эмоции, заставляющие краснеть от пристального или слишком внимательного взгляда, покрываться мурашками от случайного прикосновения.

Зов плоти день ото дня усиливался. Неодолимо хотелось близости, ещё не вполне осознанной, но влекущей.

Поцелуи и объятия на танцах случались у обеих. Разговоры о том, обсуждение переживаний, ощущений, становились всё более откровенными. Пока в их жизни не появился Виктор.

Молодой человек был в меру застенчив, но иногда становился крайне решительным. Прежний его опыт ограничивался поцелуями, но какими страстными.

Когда, проводив Дашу после танцев, он зажал Вареньку в подъезде, обмусолив девочке шею, лицо и уши впился поцелуем в губы, у неё от неожиданных ощущений напрочь отключился мозг.

Вареньке стало нестерпимо жарко. Лицо пылало, а сердце совершало акробатические этюды, пытаясь вырваться наружу.

Витька не просто целовался, виртуозно пользовался языком.

Голова кружилась. Было ощущение, что она покинула собственное тело, забыла о его существовании и летает в ином измерении, где одно мгновение длится вечность.

Варя понимала, что уже поздно, что пора домой, что их могут "застукать" за этим постыдным, как ей представлялось, занятием. Ведь такие отношения должны быть доступны только взрослым.

“А вдруг мы случайно сделаем ребёнка” – всерьёз испугалась она.

Ей стало страшно. Сознание моментально вернулось обратно в голову, или в душу, короче туда, где ему и положено быть.

Варенька вырвалась, и, не оглядываясь, поспешила до-

мой.

Родители не спали. Её состояние или внешний вид дали повод для расспросов, что было очень неприятно и крайне стыдно.

– Как ты могла до такого докатиться, какой позор, – кричала мама, глядя как дочь на простой вопрос ответила малиновым сиянием кожи.

Это было давно, теперь Дашенька, успокаивая Варю, пыталась хоть намёком узнать причину внезапного проявления столь сильных эмоций. Нужно было что-то предпринимать.

Рассказать или нет, думала о том, что именно произошло, когда подруга лежала на сохранении? Если признаться во всём, можно навсегда потерять подругу, что попросту невыносимо.

Как же дальше жить без неё!

С другой стороны, если не рассказать обо всём, это может в дальнейшем привести к трагедии. Витька, свернул на кривовую дорожку, где последствия могут быть какие угодно.

Дашенька недавно призналась, что опять беременна. Что, если этот кобель заразит подругу. Или что еще хуже, будущего ребенка?

Нужно найти выход, только кто может подсказать, как правильнее? Компромисс неуместен. Или да, или нет. Но как

именно поступить сейчас?

О поцелуях в подъезде тогда Варенька подруге поведала. Как же иначе. Доверять как себе можно только в одном случае, если ты откровенен во всём и до конца. Иначе, если появятся секреты, рано или поздно ложь обнажится и приведёт к недоверию, а там и до настоящей ссоры недалеко.

Варенька рассказывала и краснела, переживая, тем не менее, случившееся, повторно. Вроде, обычные слова, но эмоции и ощущения волшебным образом оживают.

Даша слушала, смущаясь вместе с Варенькой, примеряя эти ощущения на себя. Как же и ей хочется такого. Но ведь Витя один, а их двое.

Как быть!

Придумали следующее: когда танцы заканчивались, у Вареньки якобы заболел живот. Ей становилось плохо, и она убежала домой.

На самом деле, подруга ждала в укромном месте в парке, возле лавочки, которая располагалась в относительной темноте на отшибе.

Виктор, как и рассчитывали, те же действия предпринял повторно с Дашенькой. Только времени у него на этот раз

было больше.

Получив желаемое легко и быстро, он решил особенно не церемониться. Залез под Дашину блузку, расстегнув бюстгальтер. В его практике это были новые ощущения.

Если быть до конца честными, понравились они и девушке, особенно, когда он, придерживая яблочко груди, взял вишенку соска в рот и начал ласкать её языком.

Не знаю, что творилось в голове и теле у парня, но Дашенька чуть не лишилась сознания.

До второй груди дело не дошло. Девушка не на шутку испугалась последствий.

Зато Виктор был на десятом небе от счастья.

Теперь у него была не одна, а целых две любимые девушки. Какую из них выбрать, если он от обеих без ума, мальчишка решить был не в силах.

Так и повелось: девушки провожались кавалером по очереди, и позволяли ему немного больше вольностей, чем в предыдущий раз, затем обсуждали между собой всё, каждую мелочь. Для подруг были важны мысли, ощущения, эмоции, впечатления.

Разговаривать о любимом они могли сколько угодно. Им казалось, что Витька – абсолютный идеал. Причём во всём: рост, внешний вид, характер, темперамент, голос. Даже у него запах был особенный, самый-самый.

Точку в этом вопросе поставила Даша, внезапно обнаружившая наличие беременности.

Варенька одновременно переживала, ревновала, и радовалась за подругу. Всё равно Витьку напополам не распилишь. С самого начала они знали, что в итоге кому-то из них придётся уступить место под солнцем.

Подружки смеялись и плакали, обсуждая как поступить. Победила дружба. Варенька корректно отошла в сторонку, не позволяя более Витьке до себя дотронуться.

Впрочем, она так сильно радовалась за Дашу, что пережила это легко и просто. Зато у нас будет ребёночек.

"У нас", она произносила так, словно младенец родится от неё и Даши.

Девушки мечтали о будущем чаде, читая всё, что можно узнать, о беременности и родах, воспитании и кормлении. Обе чувствовали себя матерями.

Варенька даже начала учиться шить и вязать. Пригодится.

Решение к Вареньке пришло внезапно: Витька не только не идеальный, он эгоист, самовлюбленный кобеляка-шутун. Если начал гулять от жены еще в период конфетно-букетных ухаживаний, что будет дальше? Во всяком случае, не ей решать. Пусть свой выбор сделает Даша. Для этого она должна знать всё. И точка. Значит, признаваться. Пусть подруга её судит.

Беременность Дашеньке далась трудно: плод настаивал на личных потребностях, не считаясь с обстоятельствами и здоровьем девушки, перестраивал организм под себя. Зародышу требовались, питание и чистая кровь.

Обычный для ранней стадии беременности токсикоз начал изнурять Дашу в первый же месяц. Варенька всегда была рядом, чтобы поддержать подругу, чего нельзя было сказать про мужа.

У него неожиданно появились проблемы и срочные дела, которые отложить невозможно.

Варя сильно переживала из-за подобного отношения, но раз Дашенька молчит, значит, наверно, так и нужно. Во всяком случае, она всегда рядом. Справятся.

Когда животик у девушки достиг гигантских для её роста и веса размеров, а противостояние Дашеньки и плода так и не прекратилось, врачи, во избежание осложнений и угрозы выкидыша, отправили девушку на сохранение, как они выразились, в клинику.

Дашенька очень переживала по этому поводу. Особенно волновалась за Витеньку, боялась, что тот не справится один с хозяйством. Очень уж он несамостоятельный: всё ему подай-принеси, мама так приучила.

Варенька обещала за её мужем проследить, помочь с домашними делами. А обещаний на ветер она бросать не привыкла. Вот и засучила рукава: готовила, стирала, гладила, прибирала, да ещё и к Дашеньке по несколько раз в день бегала, благо работала в больнице, совсем рядом, только в другом корпусе.

На второй или третий день, начала Варенька примечать как остервенело облизываясь, глотая слюни, смотрит на неё Витя.

Под его масляным взглядом, особенно когда поворачивалась спиной, Вареньке становилось горячо и не совсем уютно. А когда она заглядывала ему в глаза, видела в них мольбу и ещё... просто чувствовала, как он раздевает донага и мысленно приступает к процедуре совращения.

Ощущение было крайне неприятным, отделаться от него было невозможно – Витька не давал.

Всё время, пока она хлопотала по хозяйству, он сидел за спиной и наблюдал, пуская слюни.

– У меня с одеждой что-то не в порядке?

– Ну что ты, Варенька. Любуюсь твоей красотой... и грацией. Ты лучшая.

– Как же Дашенька?

– Но её здесь нет. Надо же мне на кого-то глядеть. Я ведь мужчина, чёрт возьми, у меня есть потребности. Мне необходима близость.

– Интересно, просвети. Я тут убиваюсь как проклятая, обслуживаю тебя. Разве что сопливчики и памперсы не меняю... чем занимаешься ты!

– Женщина...

– Что женщина?

– Ты женщина. Другой здесь нет. Я тебя хочу. Помнится, ты меня любила. Я привык иметь ежедневный секс, понимаешь. Жена меня бросила... как быть!

– Она болеет, выхаживая, между прочим, твоего ребёнка.

– Даже если так, это ничего не меняет. У меня физиологические проблемы, представь себе. Яички опухают от неудовлетворённой потребности. Я ночами спать не могу. А она, видите ли, болеет. Что делать мне – здоровому мужчине, которого природа заставляет искать близость... чтобы выжить?

– Я здесь, причём! Договориться с врачами, чтобы тебя к Дашеньке пустили на случку? Уморил. Потерпишь, родной. Другие мужики выдерживают воздержание годами. Это жизнь. Ничего не поделаешь.

– Ты же в урологии работаешь. Должна знать, что при застое крови в тазовой области с мужиками бывает. Зачем я потом Дашке нужен буду, без яиц-то?

– Дурак ты, Витька! От воздержания причиндалы не отва-

ливаются. Спроси у мужиков как они из положения выходят.

– Как-как? Кто на сторону бежит, другие мастурбируют. Мне что – девочку с низкой социальной ответственностью заказывать на дом?

– Я тебе закажу, малахольный, только попробуй Дашутке изменить, я тебе сама эти самые, чтобы не опухли, отгрызу. Попомни. Она моя единственная подруга, почти сестра. Да что я говорю, она мне больше сестры, роднее матери.

– Вот и я о том же. С тебя не убудет. Велика беда: легла, ножки раздвинула... дальше я сам. Я же помню, как ты мле-ла от моих поцелуев. Что изменилось-то? Вот он я, тот же самый, твой любимый мужчина. Я тебя до сих пор обожаю, честное слово, ты мне по ночам снишься. Дурак был. Неправильный выбор сделал. А всё почему? Дашка ноги вперёд тебя раздвинула. Окунулся с головой и пропал.

– Это ты брось, прелюбодей проклятый. И не хами. Во сне сколько угодно и что угодно вытворяй, ко мне приставать нечего. Кстати, я вспомнила, из учебника: при длительном воздержании ночью происходит поллюция, организм мужчины получает полную разрядку. Так что не надо рассказывать сказки. Воздерживаться не вредно.

– Умная, да! Ну ладно, как знаешь. Придётся девочку на стороне искать. Здоровье у всех разное. Моё не позволяет жить без женщины больше одного дня.

– Только посмей!

– Неужто у тебя спрашивать буду! Всё, решено, не вмогую. По вечерам агрегат свой, то парю, то остужаю. Хочешь, покажу? Синий весь. Дашка тебе этого не простит, так и знай.

– Я думала у тебя с головой порядок. Так и скажешь – не дала, поэтому заболел. И умер... ха-ха-ха! Оригинальный подход к пикапу: не дашь – повешусь. Да, пожалуйста. Нужны ты нам больно!

– Вам! Сама же говоришь, лучшая подруга, а понять самого родного человека этой подруги не хочешь. Чёрт с тобой. Сам справлюсь.

Варе бы плюнуть на всё и не ходить к нему больше, так нет, задумалась. А ну как правда по девочкам побежит? И заразу в дом приволочёт. Или того хуже...

– Да чёрт бы с ним, – подумала Варя, – не мыло, не измылится. Зато для Даши безопасно: нас-то проверяют постоян-

но, никакой нехорошей болезни со мной точно не подцепит. Вроде как таблетку дала. Варька, зараза, думай. Да поскорее, пока, шалаву какую в дом не привёл. Соглашаться нужно. Не для себя, для Дашеньки.

Варенька высвободилась из объятий подруги, посмотрела на неё с сожалением и болью.

– Извини! Умойся пойдя, расскажу кое-что. Больше не могу в себе держать. И не буду.

Даша долго приводила себя в порядок, пришла из ванной вполне похожей на себя прежнюю.

– Ну, вот и чудненько, подружка! Ты меня подожди тут. Телевизор пока посмотри, что ли... хотя нет. Закуску приготовь, любую. Что в холодильнике найдёшь, то и мечи на стол. Я быстро. За вином только сбегая. Разговор у меня к тебе. На сухую не осилим. Жди.

И убежала. А Дашенька так и ждала стоя, недоумевая: что за разговор такой, для которого вино требуется?

Вскоре на лестнице застучали каблучки. Знакомая поход-

ка, привычные звуки. Вошла Варенька с тяжелой сумкой, выставила на стол два фугаса вина.

– Это же крепленое. С ума рехнулась, подруга? Мы же под столом окажемся.

– Не думаю. На всякий случай ещё и водку прихватила. Садись. Веселиться будем.

На её глаза снова навернулись слёзы, но усилием воли удалось с ними справиться.

– Витька, твой...

– Ну, конечно, мой, чей же ещё.

– Я не спрашивала, ты не дослушала. Витька тебе изменяет.

– Шутишь! Да он меня любит.

– И тебя любит, и меня любит. И Ингу Ташлову тоже любит.

– Это которую? У ней ноги от ушей... эту, что ли?

– Её самую. Раньше думали, что она фотомоделль, оказалось, девочка эскортными услугами занимается. Бизнесменов в поездках сопровождает. Для создания имиджа. Параллельно иные услуги оказывает. Сама понимаешь, какие.

– Проститутка, что ли?

– Догадливая. Но Инга, это так, эпизод в длиннющем списке, самая последняя, или крайняя. Витька мне во всём признался. Бравировал, смаковал. Уверен был, что ничего тебе не расскажу, потому что у меня самой рыльце в пушку.

– Это как понять?

– О том после, под водку. Наливай подруга, иначе с ума свихнёшься.

– А как же я, дети?

– Болеет он у тебя, если с одной и той же близость имеет. Застой у него, видите ли, происходит. Только не падай в обморок. Изменять он тебе начал, когда ты ещё невестой была. Хвалился, что после очередной подружки мог и тебя мужской удаleyю порадовать. Силы, мол, много скопилось, чего жадничать: другие, девки тоже любви хотят. Обижать, мол, не след.

– Ты уверена, что всё ещё мне подруга, для чего это мне говоришь? Я ведь тебя родной считала.

– А ты суди меня. И Витьку своего, кобеля, тоже. Заслу- жили.

– Хочешь сказать... и ты с ним?

– Не хочу, но говорю прямо. Потому, что правда это. Уго- ворил, когда ты на сохранении лежала. Шантажировал, тем, что проститутку закажет. Испугалась я, что заразу может те- бе принести. Потому и согласилась.

– Скажешь, один раз всего и было?

– Как бы ни так. Регулярно, пока тебя не было. Раза три в неделю. Мазок у него каждый раз брала. И кровь на анализ. Тогда всё в порядке было. Я уверена. Понимаю, что сложно в это поверить, но для тебя старалась. Договор у нас с ним был – только пока ты в больнице, и только со мной. В качестве необходимого лечебного средства.

– Вылечила, да! А потом?

– Прости, Дашуля! Дура я. Если прогонишь – не обижусь.

Насчёт Витьки своего крепко подумай.

– А наливай. Думай, не думай.... катись он колбаской по Малой Спасской. Только, вот ведь беда: не верю я тебе. Вроде искренне говоришь, а на правду не похоже. Сама я убедиться должна. Инга говоришь! А откуда знаешь?

– Случайно, поймала. Бог шельму метит. Укол бабе Мане ходила делать поздно вечером, Пуляевой. Из шестнадцати-этажки. В кошелёк в подъезде полезла за чем-то, выронила ключи. Они бряк, и под лестницу. Я бегом, а там твой Витька Ингу эту в собачьей позе шпилит, голую почти. Поздоровался сволочь, и смотрит на меня с ехидцей.

Ждал, пока я укол делала. Решил расставить точки над і, заодно, меня пойметь. Жениться обещал, между прочим.

Витька как всегда ждал Варю, когда приберётся и накормит. Приобнял, развернул к себе и по отсутствию сопротивления понял, что крепость осадой взята. Похоже, противник белый флаг выбросил. Можно брать голыми руками. Но прежде, договорились об условиях капитуляции: только в качестве лечебного средства, пока жена не выздоровеет. И ещё, никаких измен на стороне. На этот счёт Варя однозначно предупредила. Если что – меры будут жёсткими.

Отдавалась она Витьке строго по графику, вечером. Ужинать с ним и вино пить отказывалась. Только секс. Нормальный, обстоятельный, с чувством, но в гомеопатических дозах. Лекарство, значит лекарство.

Витька соглашался для виду, но когда приступал к основному действию, забывал обо всём.

Варька-то нерожалая ещё. Кожа у неё гладкая, нежная. Опыта сексуального ноль. Источник удовольствия, сокрытый под кустистым треугольником – тесный, упругий. Того и гляди лопнет, если сильнее нажать. Войдешь, и остаться там навсегда хочется.

Стоит только начать, дальше у любой девчонки мозги отключаются. Живому – живое.

Одно условие было неизменным – останавливаться за секунды до финиша.

Очень не хотелось Витьке прерывать кайф, да ничего не попишешь. Не хватало ещё одну бабу на шею посадить. Одно дело удовольствие иметь, другое – тащить потом воз с их детишками.

Даша слегка окосела от выпитого количества спиртного. Никогда прежде не влиwała в себя такой лошадиной дозы. Считай, по бутылке на подругу выкушали. Но сегодня маловато показалось. Пить, так пить. Не праздник справляют. Больше на поминки похоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.